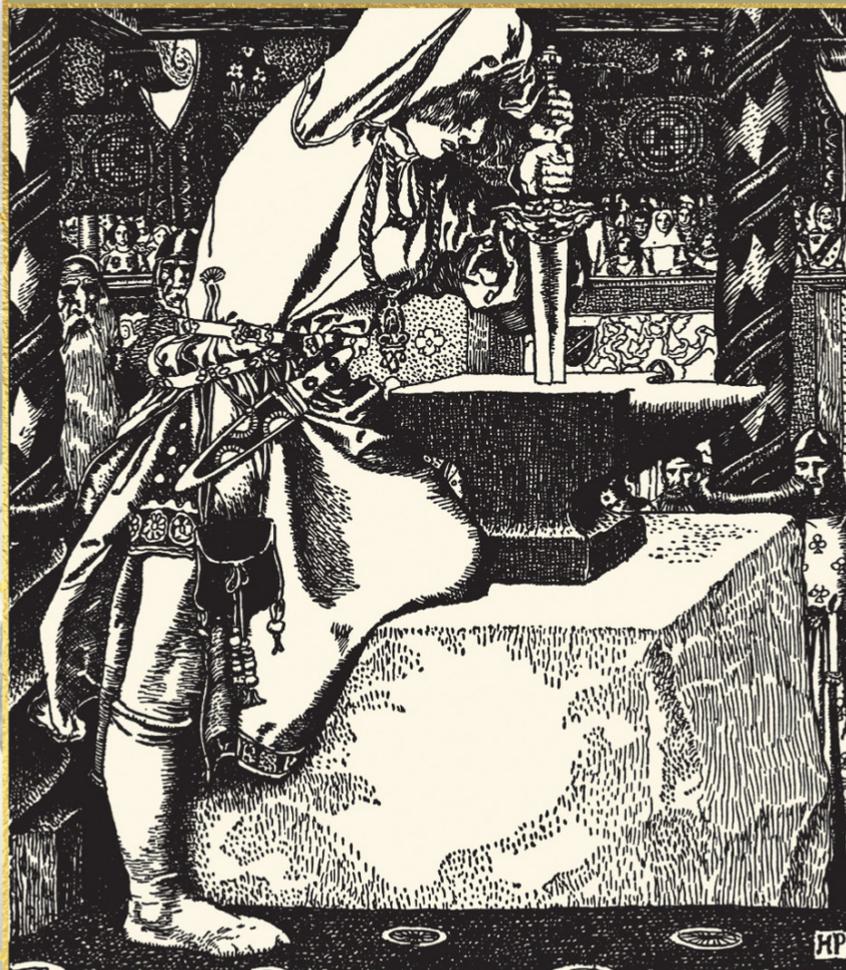

Т.Х.УАЙТ

*Король
былого и грядущего*

МЕЧ В КАМНЕ

Король былого и грядущего

Теренс Уайт
Меч в камне

«Азбука-Аттикус»

1938

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Уайт Т. Х.

Меч в камне / Т. Х. Уайт — «Азбука-Аттикус», 1938 — (Король
былого и грядущего)

ISBN 978-5-389-20363-1

Тетралогия Т. Х. Уайта «Король былого и грядущего» (плюс вышедшая посмертно «Книга Мерлина») – произведение знаковое не только в фантастике, но и в литературе в целом. Достаточно упомянуть имена писателей, прямо говоривших о том влиянии, которое оказал на них Т. Х. Уайт, чтобы убедиться в этом. Майкл Муркок, Джоан Роулинг, Нил Гейман – список можно продолжать долго. Источник цикла, конечно, Томас Мэлори, его «Смерть Артура». С другой стороны, Уайт настолько созвучен своей эпохе, настолько напитал эти книги мыслями о добре и зле, тревогой за современный мир (первые произведения цикла выходили в предвоенные годы), что, независимо от источника, ценность и самобытность их не вызывает сомнений. На надгробном камне на могиле Т. Х. Уайта выбита надпись: «Писателю, который из глубины своего измученного сердца доставлял людям радость и восхвалял жизнь». И это действительно так. Первый роман тетралогии.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-20363-1

© Уайт Т. Х., 1938
© Азбука-Аттикус, 1938

Содержание

1	8
2	14
3	20
4	27
5	29
6	38
7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Теренс Хэнбери Уайт Меч в камне

*Не в обычной стране, где шумят леса,
Льются воды и воздух кольшится голубой,
Но у Мерлина, в Стране Волишебства
Станем странствовать мы с тобой.*
INCIPIT LIBER PRIMUS

T. H. White
THE SWORD IN THE STONE
Copyright © The Estate of T. H. White, 1938

1

Понедельники, среды и пятницы отводились под скоропись и Основания Логике, а остальные дни недели – под «Органон», Зубрежку и Астрологию. Гувернантка вечно сбивалась, объясняя устройство астролябии, и, запутавшись окончательно, отнимала ее у Варта, шлепая его по рукам. Кэя она по рукам не шлепала, потому что, когда Кэй подрастет, он будет зваться сэр Кэй, владетель угодий. Варта прозвали Вартом, то есть «прыщом», потому что это более-менее рифмовалось с «Артом» – его настоящим, хоть и укороченным, именем. Это Кэй его так прозвал. Кэя же называли только Кэем и больше никак, поскольку он был слишком высокороден, чтобы давать ему прозвища, и разгневался бы на всякого, кто попытался бы это сделать. У гувернантки были рыжие волосы и какая-то таинственная рана, обеспечившая ей немалый престиж среди всех женщин замка, которым она эту рану показывала, разумеется закрыв предварительно двери. Сказывали, что рана помещается у нее на седалище и причинена она некими доспехами, на которые гувернантка неосмотрительно уселась во время одного пикника. В конце концов она предложила показать эту рану сэру Эктору, приходившемуся Кэю отцом, а затем у нее начались истерические припадки, и ее отослали. Позже выяснилось, что до того, как поступить в гувернантки, она три года провела в приюте для душевнобольных.

После полудня программа была такая: понедельник и пятница – турнирное дело и выездка; вторник – соколиная охота; среда – фехтование; четверг – стрельба из лука; суббота – теория рыцарства, включая науку о том, на какие лады трубить во всяком случае жизни, терминология ловитвы и все добрые правила охоты. Ежели ты ошибался, скажем трубя сигнал или разделявая добычу, тебя пригибали к туше убитого зверя и плашмя лупили мечом. Это называлось «сделать отбивную». Грубая забава, вроде бритья головы при переходе экватора. Кэю отбивных не делали, хоть ошибался он часто.

Когда они избавились от гувернантки, сэр Эктор сказал:

– Да в конце-то концов, пропади все оно пропадом, нельзя же, чтобы мальчики целый день скакали тут, как хулиганы, – в конце-то концов, пропади оно пропадом! В их возрасте полагается получать первостатейное образование. Я в их годы долбил всю эту латынь и прочее каждый день аж с пяти утра. Счастливейшее время во всей моей жизни. Передайте-ка мне портвейн.

Сэр Груммор Груммурсум, заночевавший в замке, потому что ночная тьма застигла его в пути после особенно долгого гона, сказал, что его в этом возрасте драли каждое утро, так как он, вместо того чтоб учиться, удирает охотиться с соколом. Сдается, что эта-то слабость и не позволила ему одолеть в грамматике «будущее простое». Это где-то в первой трети левого листа, сказал он. А лист, помнится, был девяносто седьмой. Портвейн он передал.

Сэр Эктор спросил:

– Хорошо поохотились нынче?

Сэр Груммор ответил:

– Да неплохо. По правде, отличный вышел денек. Застукал одного малого по имени сэр Брюс Безжалостный, как раз он сносил голову девице в Сорной Пуще, гнал его до Навозной Просади в Бичестере, там он спетлил и скрылся в Гиблом Лесу. Добрых двадцать пять миль он от меня драпал.

– Крепкий орешек, – сказал сэр Эктор. – Да, так вот насчет мальчишек, обо всей этой латыни и прочем, – добавил старый джентльмен. – А то, понимаете ли, Amos, а они тут скачут, как хулиганы: что бы вы мне присоветовали?

– А, – сказал сэр Груммор, прикладывая палец к носу и прижмуривая глаз, обращенный к бутылке, – тут надо крепко подумать, если вы не против таких моих слов.

– Отчего буду против? – сказал сэр Эктор. – Спасибо и на том, что вы вообще хоть что-то сказали. Премного вам благодарен, а как же! Подлейте себе портвейна.

– А хороший портвейн.

– Мне доставляет его один из моих друзей.

– Так вот насчет мальчиков, – сказал сэр Груммор. – Сколько их тут, вам известно?

– Двое, – сказал сэр Эктор, – ну, то есть если считать обоих.

– В Итон, я полагаю, вы их услатить не можете? – осторожно осведомился сэр Груммор. – Дальний путь и все такое, это мы понимаем.

На самом деле назвал он не совсем Итон, ибо Колледж Благословенной Девы Марии был основан не раньше 1440-го, но названное им место было примерно в этом же роде. Да и пили они не портвейн, а метеглин, – просто упоминание о современном вине позволит вам лучше прочувствовать атмосферу.

– Дело не то чтобы в расстоянии, – сказал сэр Эктор, – а в этом великане, как бишь его, который засел на пути. Сами понимаете, придется пробираться по его землям.

– А как бишь его?

– Да вот не могу сейчас вспомнить, хоть убей. Ну, тот парень, что живет у Бурливых Вод.

– Галапас, – сказал сэр Груммор.

– Вот этот самый.

– Тогда остается только одно, – сказал сэр Груммор, – обзавестись наставником.

– Вы имеете в виду малого, который умеет учить?

– Вот именно, – сказал сэр Груммор. – Наставник, понимаете ли, это такой малый, который умеет учить.

– Хлебните еще портвейна, – сказал сэр Эктор. – После такой охоты вам это необходимо.

– Великолепный денек, – сказал сэр Груммор. – Только похоже, что в наши дни великана уже не добудешь. Гонишь его двадцать пять миль, а после всего только и остается, что пометить место, где он ушел в нору, если ты его и вовсе не потерял. Хуже нет – начинать охоту сызнова.

– Мы перебили у них всех пащенков, – сказал сэр Эктор. – Теперь они позволяют себя погонять, но всегда удирают.

– Сдваивают следы, – сказал сэр Груммор. – Так бы я выразился. Вечная история с этими крупными великанами, когда им есть куда ударить. Они сдваивают следы.

– Однако если придется обзаводиться наставником, – сказал сэр Эктор, – то я все же в толк не возьму, как его раздобыть.

– Дайте объявление, – сказал сэр Груммор.

– Да уж давал, – сказал сэр Эктор. – «Хумберландский Глашатай и Кардалский Известник» все горло себе надорвал.

– Значит, единственный способ, – сказал сэр Груммор, – это снарядиться на поиски.

– Вы разумеете поиски наставника, – уточнил сэр Эктор.

– Вот именно.

– Ние, Наес, Нос, – сказал сэр Эктор. – Подлейте себе этого пойла, как бы оно там ни называлось.

– Смак, – сказал сэр Груммор.

На том они и порешили. Сэр Груммор Груммурсум назавтра отбыл домой, а сэр Эктор завязал на носовом платке узелок, чтоб не забыть заняться поисками наставника, как только выпадет свободное время, и поскольку он не вполне себе представлял, с чего же их начинать, он покамест рассказал мальчикам о предложении сэра Груммора и велел им хулиганить поменьше. И все отправились на уборку сена.

Стоял июль, а в этом месяце все способные на то мужчины и женщины владения работали в поле под водительством сэра Эктора. Во всяком случае, на это время про образование мальчиков можно было забыть.

Замок сэра Эктора располагался на обширной росчисти посреди еще более обширного леса. Вокруг замка шли двойные стены и крепостной ров, защищенный тыном. Укрепленный каменный мост доходил до середины рва. Другую половину рва перекрывал мост деревянный, подъемный, который каждую ночь подтягивали кверху. Перейдя подъемный мост, вы оказывались в начале единственной деревенской улицы длиной примерно в полмили, по сторонам которой лепились глинобитные, крытые соломой домишки. Улица делила росчисть на два больших поля: левое, пахотное, было нарезано на сотни узких и длинных полос, а правое спускалось к реке – половина его использовалась под выпас, а другая, отгороженная, под сенокосный луг.

Стоял июль, и погода стояла июльская – такая, какой и полагалось стоять в Старой Англии. На бронзовых, как у индейцев, лицах устрашающе сверкали зубы и сияли глаза. Собаки слонялись, высунув языки, или валялись, задыхаясь, в скудной тени, а деревенские лошади били себя по потным крупам хвостами и все норовили большими задними копытами смахнуть слепней с живота. Коровы лениво бродили по пастбищу или же, задрвав хвосты, скакали, сильно гневя тем сэра Эктора.

Сэр Эктор, забравшись на верхушку омета, откуда ему было видно, чем занимается каждый, выкрикивал приказания во все концы двухсотакрового поля, и лицо его багровело. Лучшие косцы, удаляясь, двигались в ряд по еще нетронутой траве, и косы их гудели под сильным солнцем. Женщины деревянными граблями сгребали подсохшее сено в длинные валки, а два мальчика шли с санными вилами следом и выравнивали валки, чтобы сено удобнее было метать. За ними, грохоча шипастыми деревянными колесами, двигались большие возы, запряженные лошадьми или медленными белыми волами. Один мужчина стоял на возу, принимая охапки и распорядясь, и еще двое шли по бокам, подбирая вилами сено, приготовленное мальчиками, и закидывая его первому наверх. Повозку проводили по лугу между двумя валками, загружая ее в строгой последовательности от передних кольев воза к задним, и человек наверху сердито покрикивал, указывая, с какой стороны метать. Погрузчики ворчали на мальчиков за плохо уложенное сено и грозились отдубасить их, если те, замедлив шаг, попадутся им в руки.

Когда воз нагружался доверху, волов подводили к скирде, на которой стоял сэр Эктор, и вилами взметывали сено наверх. Это было дело нетрудное, потому что сено загружалось с соблюдением определенного порядка – не то что теперь, – и сэр Эктор забирался все выше, уступая место своим помощникам, которые и делали всю работу, а сам утаптывал сено, потел, тыкал вилами туда и сюда, пытаясь заставить скирду расти ровно, и кричал, что она развалится, едва задуют западные ветра.

Варту нравился сенокос, и дело у него спорилось. Кэй, двумя годами старше его, обыкновенно вставал на край охапки, которую норовил подцепить, и в итоге сил у него уходило вдвое больше, чем у Варта, а толку выходило вдвое меньше. Но он не терпел, когда его хоть в чем-то превосходили, и обычно сражался с проклятым сеном до одури.

День после гостевания сэра Груммора выдался изнурительным для мужчин, весь срок от утренней дойки и до дневной и еще после нее до захода солнца тяжело трудившихся, сражаясь с душной стихией. Ибо сено было для них природной стихией, – подобной воздуху или морю, – они в ней плавали, ныряли в нее и даже ею дышали. Мелкие семена и сенная труха набивались им в волосы, в рот, в ноздри, забирались, щекоча, под одежду. Впрочем, одежд на них было всего ничего, и тени между их плавными играющими мускулами синевой отливали на орехово-смуглой коже. Те, кого страшила гроза, сказались в то утро больными.

Гроза разразилась после полудня. Сэр Эктор продержал людей на поле до того, что громадные всполохи засверкали уже прямо над их головами, и с неба, темного словно ночь, ударил ливень, и они сразу промокли насквозь и не могли ничего разглядеть в сотне ярдов от себя. Мальчики забрались под возы, зарылись, съжившись, в сено, чтобы уберечь тепло мокрых тел от холодного ветра, и подшучивали друг над другом, пока над ними рушились небеса.

Кэя трясло, хоть и не от холода, но он, как и все, зубоскалил, не желая выказать страха. При последнем, самом сильном раскате все невольно содрогнулись, и каждый увидел испуг другого, и все рассмеялись, отгоняя смехом стыд.

И на этом уборка сена закончилась, можно было поиграть. Мальчиков отправили домой переодеться. Старая дама, их няня, принесла из-под гладильного прессы сухие дублеты, выговорила мальчикам за то, что они играют со смертью, и осудила сэра Эктора, так надолго их задержавшего. Вслед за тем, надев чистые рубахи, они выбежали на дышавший свежестью, искрящийся двор.

– Давай возьмем Простака и посмотрим, сумеет ли он добыть пару кроликов на ловчем поле, – воскликнул Варт.

– Полезут тебе кролики наружу в такую мокрядь, – сказал саркастически Кэй, довольный, что поймал его на ошибке по части естествоведения.

– Да ладно, пойдем. Скоро подсохнет.

– Ну тогда я понесу Простака.

Когда они вдвоем выходили охотиться, Кэй всегда настаивал, что нести ястреба и спускать его будет он. Он обладал таким правом – не только по старшинству, но и потому, что был законным сыном сэра Эктора. А Варт не был законным сыном. Эта особенность его положения оставалась для него не очень понятной, но упоминания о ней не доставляли ему удовольствия, поскольку Кэй, похоже, считал, что она как-то его принижает. К тому же не иметь ни отца, ни матери – означало отличаться от всех остальных, а Кэй приучил его к мысли, что в таком отличии хорошего мало. Никто с ним про это не разговаривал, но он размышлял на эту тему, оставаясь один, и испытывал боль. Он не любил упоминаний об этом, а поскольку такие упоминания оказывались неизбежны, едва между мальчиками возникали споры о первенстве, Варт приобрел привычку уступать сразу, еще до упоминания. Кроме того, он любил Кэя и всегда нуждался в том, чтобы кто-то его направлял. В нем была сильно развита потребность в герое, перед которым он бы мог преклоняться.

– Так пошли же! – воскликнул Варт, и они припустились к кречатне, опрокидывая попадавшиеся по пути тележные колеса.

Кречатня была одним из важнейших в замке мест – после конюшни и псарни. Она располагалась прямо напротив башенного покоя и смотрела на юг. Окна, пробитые в наружной стене замка, пришлось сделать маленькими – как-никак укрепление, но те, что выходили на двор замка, были большими и давали обильный свет. На окна были тесно набиты отвесные планки, поперечные же отсутствовали. Отсутствовали и стекла, но, чтобы уберечь соколов от сквозняка, в маленькие окна были вставлены роговые пластинки. В одном конце кречатни располагался небольшой очаг – тут находилось нечто вроде места для отдыха, наподобие того угла в седельной, где сырыми ночами после лисьей охоты собираются грумы, чтобы начистить сбрую. Здесь помещались два стула, котел, верстак со множеством разнообразных ножичков и хирургических инструментов и несколько полок, уставленных горшочками. На горшочках имелись бирки: «Кардамон», «Имбирь», «Ячменный сахар», «Корчи», «От хрипов», «От запора», «Вертеж» и тому подобные. Здесь были развешаны кожи, искромсанные там, где от них отрезали куски для изготовления опутенок, должиков и клобучков¹. С аккуратного ряда гвоздей свисали бубенчики, шарнирчики и серебряные ногавки с клеймом сэра Эктора на каждой. На особой полке, самой красивой, стояли клобучки: совсем старые, растрескавшиеся полевые

---

¹ *Опутенки* – ременные или суконные кольца на ноге ловчей птицы, в которые продеваются *должики* – ремешки, пристегиваемые к рукавице охотника. *Ногавки* – металлические кольца примерно того же назначения, служащие также для того, чтобы сделать птицу приметной. *Клобучки* – особые колпачки, в которых ловчие птицы выносятся на охоту (полевые клобучки) или спят ночами. Далее упоминается *вабило* – одно или два шитых вместе крыла какой-либо птицы, вырванных прямо с мясом; вабило применяют для приманки сокола или для отъема у него добычи; а также *колодка* – это действительно деревянная колодка, на которой птица спит во время обучения.

клубочки, изготовленные еще до рождения Кэя, крошечные клубочки для кречетов, маленькие для соколов-самцов, прекрасные новенькие клубочки, которые кроились для препровождения времени долгими зимними вечерами. Все они, кроме полевых, несли цвета сэра Эктора: белый с красной байковой оторочкой и сизоватым султанчиком наверху, сделанным из горловых перьев цапли. На верстаке валялась всякая всячина, какую можно увидеть в любой мастерской: обрывки веревок, куски проволоки, разные железки, инструменты, ломти хлеба и сыра, подъеденного мышью, кожаная бутылка, несколько изодранных перчаток на левую руку, гвозди, куски мешковины, пара вабил. Прямо по дереву верстака кем-то были коряво нацарапаны подсчеты: «Кролики 1111», «Заец 111» и так далее. Писал человек не шибко грамотный.

В правой части комнаты, залитой послеполуденным солнцем, размещались отгороженные один от другого насесты, к которым были привязаны птицы. Тут были два маленьких кречета, только-только снятых с колодок, старый сапсан – особой пользы от него не было в этой лесистой земле, но его держали солидности ради, кобчик, которого мальчикам давали, когда они только-только приступили к изучению начал соколиной охоты, перепелятник, которого из доброты содержал сэр Эктор, – птица принадлежала приходскому священнику, – а в дальнем конце в особой собственной отгородке сидел ястреб по кличке Простак.

Кречатню держали в чистоте, пол устилал песок, впитывавший помет и скинутую погадку; прибирали здесь ежедневно. Сэр Эктор приходил сюда каждое утро в семь часов, и двое сокольников почтительно стояли у двери снаружи. Если они забывали пригладить волосы, он отправлял их на отсидку в казармы. Они не видели в том обиды.

Кэй надел на левую руку одну из перчаток и позвал Простака, но Простак, злой, с прижатыми перьями, сверкнул на него бешеным оранжевым глазом и спускаться не пожелал. Кэй снял его сам.

– Думаешь, можно его пускать? – с сомнением спросил Варт. – Он же линяет.

– Конечно можно, дурачок, – сказал Кэй. – Он просто хочет, чтобы сначала его понесли немного, вот и все.

И через покос, на котором лежало, снова намкнув и утратив все свои добрые свойства, с таким тщанием собранное сено, они пошли к ловчему полю, где поднимались деревья, стоявшие сначала вразброс, словно бы в парке, но постепенно стеснявшиеся, отбрасывая уже лесную тень. Под деревьями были прорыты сотни кроличьих нор, столь близко одна к другой, что главная трудность состояла не в отыскании кролика, а в отыскании кролика на достаточном удалении от его норы.

– Хоб говорит, что нельзя спускать Простака, пока он не попробует подняться хотя бы два раза, – сказал Варт.

– Хоб ничего в этом не понимает. Никто не может сказать, готов ястреб травить или нет, кроме того, кто его несет.

Почувствовав, что его освободили от пут, приготавливая к охоте, Простак немного поворочился, как бы желая взлететь. Он выпятил грудь и взъерошил кроющие наплечные перья и мягкие – на ногах. Однако в последний миг он вроде как передумал и осел на руке, не поднявшись. Это движение ястреба пробудило у Варта неодолимое желание нести его самому. Ему страшно хотелось отобрать птицу у Кэя и самому привести ее в должное расположение. Он был совершенно уверен, что смог бы улучшить настроение Простака, почесывая ему ноги и легко ероша грудные перья, если бы только ему дали этим заняться вместо того, чтобы тащиться сзади с дурацким вабилом. Но он понимал, что постоянно лезть к старшему мальчику с советами значило лишь разозлить его, и потому молчал. Точно так же, как во время теперешней ружейной охоты ни в коем случае нельзя порицать старшего по команде, так и в охоте с соколом важно было, чтобы никакой посторонний совет не мешал соколятнику принимать решение.

– Пошел! – крикнул Кэй, выбросив руку вверх, чтобы ястребу было легче сняться, и кролик прыснул перед ними по изрядно подъеденной траве, и Простак был уже в воздухе. Это

движение оказалось неожиданным для Варта, кролика и ястреба, для всех троих, и все трое на миг удивленно застыли. Затем большие крылья летучего убийцы принялись вспарывать воздух, но неохотно и нерешительно. Кролик исчез в неприметной норе. Ястреб поднимался все выше, оцепенело, словно ребенок, высоко подброшенный качелями, пока крылья его не сложились и он не уселся на дерево.

Сверху Простак оглядел своих хозяев, раскрыл клюв, словно бы попытался, разгневанный неудачей, и затем остался недвижим. Два сердца замерли.

2

Изрядное время спустя, когда мальчики уже насвистелись, намахались вабилом и набегались от дерева к дереву за раздраженным и мрачным ястребом, Кэй потерял терпение.

– Ну и пусть убирается, – сказал он. – Все равно проку от него никакого.

– Ой, но мы же не можем его оставить, – закричал Варт. – Что скажет Хоб?

– Это мой ястреб, а не Хоба, – гневно воскликнул Кэй. – Какая мне разница, что он скажет? Хоб – слуга.

– Но ведь Хоб воспитал Простака. Мы-то можем его потерять, мы же не сидели с ним без сна три ночи подряд, не таскали его на себе целыми днями. Нельзя нам бросить Хобова ястреба. Это было бы свинством.

– Ну вот и будет ему урок. И сам он дурак, и ястреб его дрянной. Кому нужен дрянной и глупый ястреб? Оставайся, конечно, раз ты такой чувствительный, а я ухожу домой.

– Я останусь, – печально сказал Варт, – если ты пошлешь сюда Хоба, когда доберешься до дому.

Кэй, злившийся, поскольку он понимал, что спустил птицу, толком ее не подготовив, двинулся в противоположную от замка сторону, и Варту пришлось окликнуть его и поправить. А Варт, у которого сердце колотилось вовсю, уселся под деревом и уставился на Простака, как кошка на воробья.

Кэю-то что, он не так уж и увлекался соколиной охотой, относясь к ней всего лишь как к времяпрепровождению, приличному для мальчика, занимающего в жизни его положение, но Варт, обладавший душой соколятника, понимал, что худшей беды, чем утрата сокола, и не придумаешь. Он знал, что Хоб трудился по четырнадцати часов в день, обучая Простака ремеслу, и что труды эти походили на борение Иакова с ангелом. Если Простак потеряется, потеряна будет также и часть Хобовой души. Варт не посмел бы взглянуть в осуждающие глаза старого сокольничего после всего, чему тот постарался выучить мальчиков.

Что же ему оставалось делать? Самое лучшее – сидеть, положив вабило на землю, чтобы Простак мог, когда сочтет нужным, сам на него спуститься. Но у Простака таких намерений не было. Прошлой ночью его накормили до отвала, и голода он не испытывал. Жаркий день испортил ему настроение. Мальчишки, которые свистели и махали внизу и гонялись за ним от дерева к дереву, совсем замутили его и так-то не особенно ясное разумение. Он не вполне понимал теперь, чего ему, собственно, хочется, – но уж, во всяком случае, не того, чего хотелось кому бы то ни было еще. Он думал, что, пожалуй, неплохо кого-нибудь укокошить – просто так, назло.

Прошло еще немалое время, и Варт оказался уже на краю настоящего леса, а Простак – и вовсе внутри. Раз за разом ястреб, приводя Варта в ярость, перелетал все ближе к лесу, пока они не очутились так далеко от замка, как мальчику еще не доводилось бывать, на краю чащобы.

Нынешнего английского леса Варт бы не убоился, иное дело – великие пущи Старой Англии. Не одни только дикие вепри страшили его, хотя аккурат в эту пору стаи молодняка по всему лесу свирепо взрывали землю, и не то, что из-за всякого дерева мог подобраться к нему какой-нибудь из уцелевших волков, бледноглазый, со слюнявою пастью. Безумные и злобные звери были не единственными обитателями густонаселенного мрака. Люди, сами озлобясь, также искали здесь крова, – изгои, коварные и кровожадные, словно стервятники, и столь же гонимые. В особенности Варту не давала покоя мысль об одном человеке по имени Вот, именно этим деревенские страшили детей. Он некогда жил в деревне сэра Эктора, и Варт еще помнил его. Был он косоглаз, безнос и слаб разумением. Детишки осыпали его камнями. Как-то раз он набросился на них, поймал одного и с рычанием откусил и его нос тоже. А затем

убежал в лес. Теперь камни полетели в безносого мальчика, а Вот, как полагали, так и живет в лесу, бегаёт там на четвереньках, одетый в шкуры.

Помимо того, в ту легендарную пору жили в лесу чародеи, а равно и чудные животные, неведомые современным трудам по естественной истории. Встречались там и постоянные шайки саксонских разбойников – это уж был не Вот, – эти жили вместе, одевались во все зеленое и били из луков, никогда не давая промаха. Имелось даже несколько драконов, правда маленьких, они ютились под камнями и шипели как закипающий чайник.

А вдобавок ко всему становилось темно. Тропы в лесу отсутствовали, и никто в деревне не знал, что там, с другой его стороны. Пала вечерняя тишь, и высокие деревья стояли, безмолвно глядя на Варта.

Он чувствовал, что самое безопасное – это пойти домой, пока он еще понимает, где он, но у него было отважное сердце, и отступаться он не желал. Варт сознавал, что стоит Простаку проспаться одну ночь на воле, как он вновь одичает, и уже навсегда. Простаку ничего не стоило вернуться в исходное состояние. Но если бы бедному Варту удалось заметить, где он устроится спать, и если бы Хоб появился вдруг с фонарем, они все же могли бы еще взять его этой ночью, взобравшись на дерево, покамест он дремлет, и задушив его светом. Мальчик более-менее представлял себе, где сидит ястреб – примерно в ста ярдах от него, в самой гуще деревьев, – именно там галдели грачи, вернувшиеся к вечеру в гнезда.

Он пометил одно из деревьев, стоявших на опушке, надеясь, что это поможет ему найти дорогу назад, и принялся продираться через подлесок. По граю грачей он понял, что Простак тут же перепорхнул еще дальше.

Пока мальчик сражался с колким кустарником, опустилась тихая ночь. Но он, изо всей мочи напрягая слух, упрямо продвигался вперед, а перелеты сонного Простака становились все более краткими и недалекими, и наконец, перед тем как настала полная тьма, мальчик увидел на фоне неба сгорбленные плечи ястреба, сидевшего на дереве прямо над ним. Варт присел под деревом, чтобы больше не тревожить птицу, пока она засыпает, и Простак, стоявший на одной ноге, не обратил на него никакого внимания.

«Может быть, – сказал сам себе Варт, – даже если Хоб не придет, а я и не вижу, как бы он смог теперь отыскать меня в этом нехоженном лесу, мне все же удастся самому забраться на дерево и снять с него Простака. Нужно, чтобы он оставался там до полуночи, потому что тогда уж он точно заснет. Если я негромко окликну его, он подумает, что это просто кто-то пришел, как обычно, взять его, пока он сидит в клубочке. Только лезть придется очень тихо. Тогда, если я его поймаю, надо будет еще отыскать дорогу домой, а там уже мост поднимут. Но, может быть, кто-то дождет меня, Кэй ведь сказал им, что меня нет. Вот интересно только, в какую сторону я пойду. Лучше бы Кэй остался».

Он затиснулся между древесных корней, пытаясь сыскать место поудобнее, где бы жесткое дерево не впивалось в лопатки.

«Мне кажется, надо идти за ту высокую ель, у которой верхушка похожа на пику. Зря я не запомнил, с какой стороны от меня село солнце, тогда после восхода можно было бы держать его с той же стороны и так вернуться домой. Интересно, там вправду что-то шевелится под елью? Ох, только бы мне не встретить этого старого, одичавшего Вота, не хватало еще, чтобы он мне нос откусил! До чего же противный вид у Простака, стоит себе на одной ноге, как будто ничего не случилось».

В этот миг что-то просвистело, чмокнуло, и Варт увидел стрелу, вошедшую в дерево между пальцами его правой руки. Он отдернул руку, подумав, что кто-то его ужалил, и лишь тогда заметил ее. Затем все замедлилось. У него нашлось время внимательно рассмотреть стрелу и то, как она на три вершка ушла в твердое дерево. Стрела была черная, с желтыми опоясками, как у осы, и желтым старшим пером. Другие два – черные. Крашенные гусиные перья.

Тут Варт обнаружил, что, хоть он и страшился опасностей леса до того, как это случилось, теперь, попав в переделку, страха уже не испытывает. Он быстро поднялся – ему показалось, что медленно, – и обогнул дерево. Едва он это проделал, как другая стрела зажужжала и чмокнула, но эта, вся, кроме оперения, зарылась в траву и осталась торчать там недвижно, словно никогда не летала.

По другую сторону дерева оказалась поляна, поросшая орляком высотой футов в шесть. Укрытие было прекрасное, но шорох папоротниковых листьев выдавал Варта. Он услышал, как еще одна стрела шуркнула по жесткой широкой листе и вроде бы выругался мужчина, но не очень близко. Потом он услышал, как этот мужчина, или кто он там был, бежит через папоротник. Стрелять это существо больше не решалось, потому что стрела вещь ценная, а в подлеске она наверняка затеряется. Варт скользнул, как змея, как кролик, как беззвучный филин. Он был мал, и тому созданию нечего было противопоставить ему в этой игре. Через пять минут Варт был в безопасности.

Убийца поискал свои стрелы и, ворча, удалился, – а Варт понял, что даже если он спасся от лучника, то и ястреба, и дорогу домой он потерял. Он не имел ни малейшего представления о том, где находится. С полчаса он пролежал, забившись под рухнувшее дерево и выжидая, когда удалится неведомое существо и перестанет неистово биться сердце. Оно заколотилось уже после того, как он понял, что спасен.

«Охо-хо, – думал он, – вот теперь я и впрямь заблудился, и выбирать мне почти что не из чего – либо мне нос откусят, либо проткнут насквозь одной из этих осиных стрел, либо меня слопает шипучий дракон, или волк, или дикий вепрь, или чародей, если чародеи едят мальчиков, а я думаю, что едят. Самое время от души пожалеть, что я не был послушным и злил гувернантку, когда она билась с астролябией, и не любил моего дорогого опекуна сэра Эктора так, как он того заслуживает».

При этих печальных мыслях и особенно при воспоминании о добром сэре Экторе с его санными вилами и красным носом, глаза бедного Варта наполнились слезами, и он, совершенно безутешный, остался лежать под упавшим стволом.

Он осмелился вылезть наружу лишь после того, как солнце загасило последние лучи своего затянувшегося прощания и над посеребренными вершинами деревьев встала луна во всем ее грозном величии. Тогда он поднялся, вытряхнул из дублета мелкие веточки и побрел, отчаявшийся, выбирая дорогу полегче и доверив участь свою Господу. Так он брел около получаса и временами чувствовал себя пободрей – потому что залитый светом луны летний лес был по-настоящему красив и прохладен, – и наконец набрел на прекраснейшее из зрелищ, какие ему доводилось видеть за всю свою короткую жизнь.

В лесу открылась поляна, широкий простор облитой луною травы, и на дальнем ее конце светились в белых лучах деревья. Там росли буки, чьи стволы всего красивей в жемчужном свете луны, а среди буков чуялось легчайшее шевеление и слышался серебряный звон. Перед тем как раздался звон, там стояли лишь буки, но сразу после обозначился рыцарь в полных доспехах, бездвигательный, безмолвный и призрачный среди величавых стволов. Он восседал на огромном белом коне, стоявшем в такой же сосредоточенной неподвижности, как и всадник, и держал в правой руке, уперев его копьём в стремя, высокое, ровное турнирное копьё, поднимавшееся среди коренастых деревьев все выше и выше, пока очерк его не возникал на бархатном небе. Все это плавало в свете луны, все серебрилось, слишком прекрасное, чтобы его описать.

Варт не знал, как ему быть. Он не знал, безопасно ли будет подойти к этому рыцарю, – в лесу ведь так много страшного, что даже рыцарь может оказаться призраком. Да он и выглядел совершеннейшим призраком, когда возник, углубленный в созерцание, на самом краешке мрака. В конце концов мальчик надумал, что если это и призрак, то все-таки призрак рыцаря, а рыцари по обету обязаны оказывать помощь людям, попавшим в беду.

– Простите меня, – сказал он, когда очутился прямо перед таинственной фигурой, – не могли бы вы указать мне дорогу к замку сэра Эктора?

При этих словах призрак подпрыгнул так, что едва не свалился с коня, и издал сквозь забрало приглушенное «бэээ», совсем как овца.

– Простите, – заново начал Варт, но остановился, охваченный ужасом, не дойдя до конца своей речи.

Ибо призрак поднял забрало, обнаружив два исполинских ока, как бы прихваченных коркою льда; воскликнул тревожно: «Что-что?»; вынул глаза, оказавшиеся парой запотевших внутри шлема очков в роговой оправе; попытался вытереть их о конскую гриву, отчего они стали только мутнее; поднял обе руки над головой и попробовал вытереть очки о плюмаж; уронил копьё; уронил очки; сполз с коня, чтобы их отыскать, при этом забрало захлопнулось; поднял забрало; наклонился за очками; выпрямился, потому что забрало захлопнулось снова, и воскликнул печально: «Силы благие!»

Варт отыскал очки, протер их и подал призраку, который их тут же надел (забрало сразу захлопнулось) и принялся с таким рвением карабкаться обратно на коня, словно спасал свою драгоценную жизнь. Забравшись, он протянул руку за копьём, которое вручил ему Варт, и, ощутив себя в безопасности, приоткрыл забрало левой рукой, да так и держал потом открытым. Затем призрак воззрился на мальчика, приложивши руку ко лбу, – словно потерпевший крушение мореплаватель, высматривающий землю, – и вскричал: «Ага! Это кто ж у нас тут такой, что?»

– Прошу прощения, – сказал Варт, – я мальчик, чей опекун сэр Эктор.

– Милый мальчуган, – сказал Рыцарь. – В жизни его не встречал.

– Не могли бы вы указать мне путь к его замку?

– Ни малейшего представления. Сам чужой в этих краях.

– Я заблудился, – сказал Варт.

– А вот это забавно. Я и сам заблудился лет семнадцать назад. Прозываюсь Король Пеллинонор, – продолжал Рыцарь. – Может, слышал обо мне что? – Забрало закрылось с хлопком, похожим на эхо этого «что?», но было немедленно вновь открыто. – Семнадцать лет, с самого Михайлова дня, гоняюсь за Искомой Зверью. Скучно, страсть.

– Да уж я себе представляю, – сказал Варт, который отродясь не слыхивал ни про Короля Пеллинонора, ни про Искомую Зверь, но решил, что самое безопасное в нынешних обстоятельствах – сказать именно это.

– Это Бремя Пеллиноноров, – гордо сказал Король. – Лишь Пеллинонор может его настигнуть – то есть, конечно, или его ближайший родич. Всех Пеллиноноров воспитывают, исходя из этой идеи. Ограниченное образование, в сущности. Катыши и прочее в этом роде.

– Про катыши я знаю, – произнес с интересом мальчик. – Это помет, оставляемый зверем, когда его гонят. Ловчий кладет его в свой рог, чтобы потом показать хозяину, и может сказать по нему, разрешена ли охота на этого зверя и каково его состояние.

– Умный ребенок, – отметил Король. – Очень. Ну вот, а я почти постоянно таскаю катыши с собой. Нечистоплотный обычай, – добавил он, обретая подавленный вид, – и совершенно бессмысленный. Сам понимаешь, Искомая Зверь на свете одна, и вопрос: дозволена на нее охота или нет – не может даже возникнуть.

Тут забрало его приладилось падать так часто, что Варт решил пока не думать о своих невзгодах, а попытаться взбодрить собеседника, задавая ему вопросы по единственному предмету, о котором тот, видимо, мог говорить со знанием дела. Даже беседа с заблудившимся членом королевской фамилии лучше, чем одиночество в лесу.

– А на что она похожа с виду, эта Искомая Зверь?

– Ах, мы, знаешь ли, именуем ее Бет Глатисант, – отвечал монарх, принимая ученый вид и возвышая голос, – или, что, по-английски сказать, Искомая Зверь. Ты же можешь называть

ее всяко, – добавил он милостиво, – хочешь – Искомая Зверь, а хочешь – Искомый. Сия Зверь обладает главою змеи, э-гм, и туловом леобарса, и лядвеями льва, и голеньями оленя. И куда та зверь ни пойдет, из чрева ее исходит шум, как бы от тридцати пар гончих псов. Если, конечно, она в это время не пьет, – добавил Король.

– Вот, должно быть, жуткое чудище, – сказал Варт, опасливо озираясь.

– Жуткое чудище, – повторил Король. – Такова она и есть, Бет Глатисант.

– И как вы за ней гоняетесь?

Похоже, то был неверный вопрос, ибо вид у Пеллинора стал еще удрученней.

– У меня с собой ищейная сука, – сказал он печально. – Вон она там.

Варт поглядел в ту сторону, куда уныло указывал большой палец монарха, и увидел многократно обмотанное веревкой дерево. Конец веревки был привязан к седлу Короля Пеллинора.

– Что-то я ее не разгляжу.

– Запуталась в веревке с той стороны, смею сказать. С ней вечно так – я в одну сторону, она в другую.

Варт обошел дерево и обнаружил крупную белую псину, вычесывающую блох. Едва увидев Варта, она принялась извиваться всем телом, бессмысленно осклабясь и задыхаясь от стараний облизать ему все лицо, несмотря на веревку. Псина была слишком опутана вервием, чтобы сдвинуться с места.

– Ищейка в общем хорошая, – сказал Король Пеллинор, – только уж очень пыхтит, вечно в чем-нибудь путается и тянет не в ту сторону. С ней да с этим забралом я порою не знаю, куда и поворотить.

– А почему вы ее не отвяжете? – спросил Варт. – Она бы тогда гонялась за Зверью вряд ли хуже, чем теперь.

– Вот видишь ли, она тогда удирает, и я ее иногда по неделям не вижу. А без нее скучновато, – добавил Король, – гонишься за Зверью, а где она, что она – никогда ведь толком не знаешь. А тут все же, понимаешь, компания.

– Похоже, по натуре она дружелюбна.

– Чересчур дружелюбна. Порой я вообще сомневаюсь, за Зверью ли она гоняется.

– И что она делает, когда ее видит?

– А ничего.

– Ну что же, – сказал Варт. – Я думаю, в конце концов у нее все же появится к ней интерес.

– Как бы там ни было, прошло уже восемь месяцев с тех пор, как мы ее видели.

С самого начала беседы голос у бедняги становился все более грустным, и теперь Король явственно начал пошмыгивать носом.

– Это проклятие Пеллиноров, – воскликнул он, – вечно таскаться за этой паршивой Зверью. Уж если на то пошло, кому вообще она нужна? Сначала ты останавливаешься, чтобы спустить ищейку, потом у тебя сваливается забрало, потом ничего не видишь через очки. Поспать негде, где ты есть – никому не известно. Зимой ревматизм, летом солнечные удары. И ведь несколько часов уходит на то, чтобы напялить эти клятые доспехи. А напялишь – так либо изжаришься, либо заледенеешь, да они еще и ржавеют. Сидишь всю ночь, начищаешь. Ах, как бы мне хотелось иметь хороший собственный домик и жить в нем, – с кроватями, с настоящими подушками, с простынями. Будь я богат, именно это я бы и купил. Хорошую кровать с хорошей подушкой и с хорошей простыней, на которой приятно лежать, а потом я бы вывел этого паршивого коня на луг да сказал бы этой паршивой ищейке: «Беги куда-нибудь, поиграй», и покидал бы в окно все мои паршивые латы, а паршивую Зверь оставил в покое, пусть она сама на себя охотится, – вот что бы я сделал.

– Если бы вы смогли показать мне дорогу домой, – сказал хитроумный Варт, – то сэр Эктор наверняка оставил бы вас ночевать.

– Ты вправду так думаешь? – вскричал Король. – На кровати?

– На кровати с периной.

Глаза у Короля Пеллинора округлились как блюдца.

– С периной! – медленно повторил он. – А подушка там будет?

– Подушки, пуховые.

– Пуховые подушки! – прошептал Король, затаивая дыхание. А затем стремительно выдохнул: – Какой, наверное, чудный дом у твоего господина!

– Я думаю, он не дальше чем в двух часах пути отсюда, – сказал Варт, стараясь не упустить удачи.

– И что же, этот господин послал тебя для того, чтобы ты меня к нему пригласил? – (Он уже забыл, что Варт заблудился.) – Как это мило с его стороны, очень мило, по-моему, что?

– Он будет рад нас видеть, – искренне сказал Варт.

– Ах, как это мило с его стороны, – снова воскликнул Король, принимаясь торопливо оправлять свою амуницию. – И какой он, должно быть, милый джентльмен, раз у него есть кровать с периной! Я полагаю, придется ее с кем-нибудь разделить? – произнес он с сомнением.

– Вы сможете получить кровать в ваше полное распоряжение.

– Кровать с периной, в полное распоряжение, с простыней и с подушкой, а может, даже с двумя или с подушкой и с валиком – и не нужно вовремя подниматься к завтраку! Твой опекун, он как – вовремя поднимается к завтраку?

– Никогда, – сказал Варт.

– А блохи в постели есть?

– Ни единой.

– Ну! – сказал Король Пеллинон. – Должен сказать, звучит до того хорошо, что и словами не выразишь. Кровать с периной, и притом ни единого слова о катышах. Как долго, ты говоришь, нам туда добираться?

– Часа два, – сказал Варт, но второе из двух этих слов ему пришлось прокричать, ибо его заглушил шум, который в это мгновение поднялся где-то неподалеку.

– Что это? – воскликнул Варт.

– Внемли! – крикнул Король.

– Милость Господня!

– Это Зверь!

И рьяный охотник немедленно забыл обо всем, кроме своей задачи. Он вытер очки о заднюю часть штанов – о единственный доступный на нем кусок ткани, меж тем как вокруг все разрастался кровожадный утробный рев. Он приладил очки на кончик длинного носа – в точности перед тем, как автоматически хлопнуло забрало. Он стиснул в правой руке тяжелое копьё и галопом поскакал в сторону шума. Веревка, обмотанная вокруг дерева, не отпустила его далеко – никчемная сука тем временем меланхолически гавкала, – и с громовым лязгом Король сверзился наземь. В следующую секунду он уже поднялся (Варт был уверен, что очки разлетелись вдребезги) и заскакал на одной ноге вокруг белого коня (другая застряла в стремях). Подпруга выдержала, каким-то образом он вновь залез на коня, оседлав заодно и копьё, и загалопировал вокруг дерева в направлении, противоположном тому, в котором ищейка приматывалась к стволу. Он сделал на три круга больше, чем требовалось, а сука меж тем с лаем мчала в другую сторону, и наконец с четвертой или пятой попытки они избавились от помехи.

«У-лю-лю, что!» – вскричал Король Пеллинон, размахивая в воздухе копьём и возбужденно раскачиваясь в седле.

Затем он исчез во мраке леса вместе с несчастной собакой, влекомой за ним на веревке.

3

Мальчику сладко спалось под пологом леса – тем неглубоким, но освежающим сном, каким спишь в первый раз на открытом воздухе. Поначалу он лишь немного уходил под поверхность сна и проскальзывал там, словно лосось по мелководью, так близко к поверхности, что ему казалось, будто он еще в воздушной среде. Он думал, что бодрствует, хотя уже спал. Он видел, как звезды вращаются над его запрокинутым лицом на своих беззвучных и бессонных осях, как с жестким шуршанием трется о них листва, и слышал, как что-то чуть шевелится в траве. Легкий шелест шагов, биение мягких бахромчатых крыльев и тихий шорох чьих-то телец, легко скользящих вдоль травинки или бряцающих листьями орляка, поначалу пугали и интересовали его, так что он поворачивался посмотреть, что там такое (но ни разу ничего не увидел), потом убаюкивали, и он уже не стремился их разглядеть, уверясь, что они – это они и ничто иное, и, наконец, все разом исчезало, а он утопал все глубже, глубже, зарываясь носом в пахучий дерн, в теплую почву, в неиссякающие подземные воды.

Трудно было уснуть под ярким светом лунной луны, но уснувший спал уже крепко. Солнце взошло рано, заставив Варта негодуяще отвернуться, но, засыпая, он научился осиливать свет, и теперь свет не смог его разбудить. Только в девять, через пять часов после рассвета, он перекатился на спину, открыл глаза и мгновенно проснулся. Очень хотелось есть.

Варту приходилось слышать о людях, кормившихся одними лишь ягодами, но сейчас эти сведения не представлялись полезными, ибо стоял июль и ягод не было вовсе. Он нашел две земляничины и с жадностью их проглотил. На вкус они показались ему слаще всего на свете, и он пожалел, что их так мало. Потом ему захотелось, чтобы теперь стоял апрель, тогда он мог бы найти птичьи яйца и насытиться ими, или чтобы Простак не потерялся и поймал бы ему кролика, а он бы его зажарил на огне, который добыл бы, потеряв одной палочкой о другую, будто презренный индеец. Впрочем, Простака он потерял, да, похоже, потерялся и сам, – пожалуй, и палочки навряд ли бы загорелись. Он решил, что не мог уйти от дома дальше чем на три-четыре мили и что самое правильное в его положении – это тихо сидеть и прислушиваться. Тогда, если повезет с ветром, он сможет услышать шум сенастава и на слух отыскать дорогу к замку.

Услышал же он негромкий лязг, который заставил его подумать, что, верно, Король Пеллинор где-то недалеко снова гоняет Искомую Зверь. Только звук был уж больно мерный и какой-то единонацеленный, отчего он решил, что Король Пеллинор с немалым терпением и усердием пытается совершить некое особое действие – к примеру, почесать себе спину, не снимая доспехов. И он пошел в направлении шума.

В лесу открылась поляна, а на ней – опрятный каменный домик. Домик, хоть Варт в тот миг этого и не заметил, разделялся на две части. Главную составляла горница, или гостиная для всякого случая, высокая, до самой крыши, в полу ее помещался очаг, дым от которого без особой поспешности уходил через дырку в соломенной кровле. Другая половина домика делилась горизонтальным настилом надвое – вверху находилась спальня, она же и кабинет, а низ служил кладовкой, клетью, конюшней и хлевом. Здесь, внизу, проживал белый ослик, а наверх отсюда вела приставная лестница.

Перед домом был вырыт колодец, и очень старый джентльмен, вращая ворот, тянул оттуда бадью с водой, – металлический лязг, услышанный Вартом, как раз и производился колодезной цепью.

«Блям-блям-блям», говорила цепь, пока бадья не ударила о закраину колодца, и «Ах, чтоб тебе провалиться!» – сказал старый джентльмен. – Уж казалось бы, после стольких лет ученых занятий ты мог бы, клянусь Пресвятой Богородицей, разжиться чем-нибудь почище этого чертова колодца и дурацкой бадьи, чего бы оно, черт подери, ни стоило».

«И опять же, с какой стороны ни взгляни, – прибавил старый джентльмен, вытягивая бадью из колодца и недоброжелательно ее озирая, – ну что им стоило протянуть сюда электричество с водопроводом?»

Его облекала ниспадающая мантия с меховым капюшоном, на которой были вышиты знаки Зодиака, разнообразные каббалистические символы вроде треугольников с оком внутри, странного вида крестов, древесных листьев, птичьих и звериных костей, – и целый планетариум звезд, сиявших под солнцем, словно осколки зеркал. На голове красовалась остроконечная шляпа вроде дурацкого колпака или того головного убора, какой носили в то время дамы, только у дам с верхушки обыкновенно свисала вуаль. Еще при нем были – волшебная палочка, вырезанная из *lignum vitae*, священного дерева жизни, которую он положил близ себя на траву, и пара очков в роговой оправе – вроде тех, что носил Король Пеллинор. Очки были необычные: без заушин, подходящие формой на ножницы или на сяжки гигантской осы – убийцы тарантулов.

– Прошу прощения, сэра, – сказал Варт, – не могли бы вы указать мне дорогу к замку сэра Эктора, если вас это не затруднит.

Пожилой джентльмен поставил бадью на землю и взглянул на него:

– А зовут тебя, стало быть, Вартом?

– Да, сэра, пожалуйста, сэра.

– Мое имя Мерлин, – сказал старик.

– Как поживаете?

– Как поживаете?

Когда с формальностями было покончено, возникла пауза, и Варт смог подробнее разглядеть старика. Волшебник не мигая уставился на него со своего рода благосклонным любопытством, порождавшим ощущение, что и он может глазеть на старика и это не будет грубостью, все равно как если бы он разглядывал одну из коров своего попечителя, которая, оперев о калитку голову, призадумалась вдруг о его персоне.

Мерлина украшали длинная белая борода и длинные белые висячие усы. Приглядевшись, Варт обнаружил, что вид у него далеко не опрятный. Не то чтобы ему грязь набилась под ногти или еще что-то такое, нет, но складывалось впечатление, что в волосах его гнездится некая крупная птица. Варту случалось видеть гнезда перепелятника и ястреба, безумную мешанину мелких прутьев и объедков, отнятых у белок и ворон, белый помет, старые кости, нечистые перья, погадку, – все, что покрывало ближние ветви и основание древесного ствола. Схожее зрелище являл собою и Мерлин. На плечах старика среди звезд и треугольников мантии виднелись дорожки помета, и, пока он, неспешно помаргивая, разглядывал стоявшего перед ним мальчика, с кончика его шляпы неторопливо спускался крупный паук. Выражение лица у Мерлина было озабоченное, как будто он пытался припомнить какое-то имя, писавшееся как Чол, но произносившееся совершенно иначе, может быть Мензис или все-таки Далзиэль? Пока он рассматривал мальчика, его добрые голубые глаза, очень большие и круглые под очками, словно затягивались пленкой и туманились; наконец он с решительным выражением отворотился, как бы придя к выводу, что ему это все-таки не по силам.

– Персики любишь?

– Еще бы, – сказал Варт, у которого немедленно потекли слюнки.

– Они в эту пору редки, – неодобрительно произнес старик и зашагал по направлению к дому.

Варт последовал за ним, поскольку это было проще всего, предложил поднести бадью (что явно понравилось Мерлину, тут же ее отдавшему) и ждал, пока Мерлин разбирается с ключами, – бормоча, ошибаясь и роняя их на траву. Наконец, когда они проникли внутрь черногобелого домика – с такими сложностями, словно они его взламывали, – мальчик влез за хозяином по лестнице и оказался в комнате наверху.

Это была самая удивительная комната, в какой ему когда-либо приходилось бывать.

Со стропил свисал доподлинный крюкорыл, совершенно такой, как в жизни, страшный, со стеклянными глазами и оттопыренным пластинчатым хвостом. Когда его хозяин вошел в комнату, чудище в знак приветствия подмигнуло одним глазом, хоть и было оно чучелом. Здесь помещались тысячи книг в побуревших кожаных переплетах, иные были прикованы к полкам цепями, иные прислонились одна к другой, как если бы выпили лишку и не очень себе доверяли. От них тянуло плесенью, их солидная сумрачность навевала безмятежный покой. Были тут и чучела птиц – попугаев, сорок, зимородков, павлинов во всей их красе, разве что пары перьев в хвосте не хватало, и малых пичужек размером с жуков, и знаменитого феникса, от коего пахло ладаном и кардамоном. Феникс вряд ли был настоящим, поскольку одновременно может существовать только один. Над полкой камина висела лисья голова, под которой было написано

ГРАФТОН, ОТ БУКИНГЕМА ДО ДАВЕНТРИ, 2 ЧАС. 20 МИН.,

а также сорокафунтовый лосось с подписью

ЛОХ О, 43 МИН., БУЛЬДОГ

и совсем живой на вид василиск с подписью печатными буквами

КРОУХЕРСТ, ШОТЛАНДСКАЯ ВЫДРОВАЯ.

Тут было несколько кабаньих клыков и тигриных когтей, и когтей леобарса, симметрично размещенных в стеклянной витринке, и огромная голова памирского архара, шесть живых ужей в подобию аквариума, несколько домиков ос-отшельниц, красиво вставленных в стеклянный цилиндр, заурядный пчелиный улей, обитатели коего безмятежно влетали и вылетали в окно, два молодых ежа, обернутых в вату, чета барсуков, при появлении волшебника сразу же завопивших «ик-ик-ик-ик», двадцать корбочек, вмещавших шестерку гарпий, гусениц палочника и даже одну олеандрового бражника ценою в шесть пенсов, – все кормились на своих любимых листьях, – ружейный ящик с разнообразным оружием, которое еще предстояло изобрести через полтысячи лет, ящик с таковыми же удилищами, комодик, набитый мормышками на лосося, Мерлиновой собственноручной вязки, другой комод, на ящиках которого красовались таблички «Мандрагора», «Мандрагоровый корень», «Камнеломка» и прочее, пучок индюшачьих и гусиных перьев, еще не подготовленных для письма, астролябия, двенадцать пар сапог, дюжина неводов, три дюжины проволочных силков на кролика, двенадцать пробочников, несколько муравьиных гнезд между двумя пластинами стекла, пузырьки с чернилами всевозможных оттенков от красного до фиолетового, штопальные иглы, золотая медаль лучшего стипендиата Уинчестера, четыре или пять фонографов, выводок полевой мыши живьем, два черепа, множество дорогого стекла – стекло венецианское, бристольтское – и бутыль полировочной мастики, немного желтого японского фарфора и клуазоне, четырнадцатое издание «Британской Энциклопедии» (подпорченное, если правду сказать, чрезмерным натурализмом его познавательных вкладных иллюстраций), два набора красок, один – масляных, другой – акварельных, три глобуса с изображением уже открытых земель, несколько окаменелостей, набитая голова странного гибрида верблюда и парса, именуемого также гирафой, шесть больших лесных муравьев, стеклянные реторты, колбы, бунзеновские горелки и еще много чего, включая полный комплект сигаретных обложек работы Питера Скотта, изображающих пернатую дичь.

Войдя в этот покой, Мерлин снял свою цеплявшуюся за кровлю остроконечную шляпу, и сразу в одном из темных углов послышалась чья-то пробежка, захлопали мягкие крылья, и на черной шапочке, покрывавшей его макушку, объявилась неясность.

– Ой какая милая сова! – воскликнул Варт.

Однако, когда он приблизился к ней, протянув руку, сова распрямилась, став выше наполовину, затвердела, словно аршин проглотив, сожмурилась, оставив лишь узенькие щелки, – вот как обыкновенно делаешь ты, когда приходится закрывать глаза, играя в прятки, – и сообщила неуверенным голосом:

– А никакой тут совы и нету.

После чего совсем закрыла глаза да еще отвернулась.

– Это всего лишь мальчик, – сказал Мерлин.

– И мальчика нету, – с надеждой сказала птица, не повернув головы.

Варт, пораженный открытием, что совы могут, оказывается, разговаривать, окончательно забываясь и подошел еще ближе, отчего птица и вовсе разнервничалась, нагадила Мерлину прямо на голову – комната была совершенно бела от помета – и отлетела, усевшись на самом дальнем краешке крюкорылова хвоста, вне пределов досягаемости.

– У нас так редко случаются гости, – пояснил волшебник, вытирая голову половинкой драных пижамных штанов, которую держал для этой цели, – что Архимед немного стесняется незнакомцев. Иди сюда, Архимед, я хочу познакомить тебя с моим другом по имени Варт.

Тут он протянул к Архимеду руку, и тот враскачку, совсем по-гусиному, прошелся по крюкорыльей спине – ему приходилось идти переваливаясь, чтобы не повредить хвоста, – и с явственной неохотой соскочил к Мерлину на палец.

– Вытяни палец и приставь сзади к его лапкам. Нет, повыше, под самым хвостом.

Когда Варт это сделал, Мерлин слегка сдвинул Архимеда назад, так что палец мальчика уперся ему в ноги, и Архимеду осталось либо отступить, либо совсем потерять равновесие. Он отступил. Варт стоял, замерев от восторга, а мохнатые лапки крепко обхватывали его палец, покалывая кожу острыми коготками.

– Поздоровайся как полагается, – сказал Мерлин.

– Не буду, – сказал Архимед, глядя в сторону и ухватываясь покрепче.

– Ох, до чего же он милый, – снова вымолвил Варт. – Давно он у вас?

– Архимед живет у меня еще с того времени, когда был маленьким – таким маленьким, что головка у него была размером не больше цыплячьей.

– Хорошо бы он со мною поговорил.

– Может быть, если ты дашь ему эту мышь, только вежливо, он захочет поближе с тобой познакомиться.

Мерлин вынул из шапочки мертвую мышь.

– Я их всегда тут держу и червей для рыбалки тоже. По-моему, очень удобно, – и вручил ее Варту, а тот протянул мышь Архимеду – с некоторой опаской, ибо кривой ореховый клюв выглядел достаточно грозно, – но Архимед, внимательно осмотрев мышь, подмигнул Варту, переступил по пальцу поближе к ней, закрыл глаза и наклонился вперед. Он постоял с закрытыми глазами и выражением блаженства на лице, словно читая молитву, и затем удивительной боковой поклевкой взял лакомство столь нежным прихватом, что будь это мыльный пузырь, и тот остался бы цел. Он еще посидел, наклонившись вперед, с мышью, свисавшей из клюва, как если бы толком не знал, что же с ней дальше делать. Затем приподнял правую лапку – он был правша, хоть люди уверены, что это относится только к ним, – и взял ею мышь. Он держал ее так, как мальчик держит палочку с леденцом, как полицейский – свою дубинку, и глядел на нее, покусывая за хвост. Потом перевернул головою вперед, ибо Варт подал мышь неправильно, и заглотнул одним махом. Оглядев общество (хвост еще свисал из угла его клюва), словно желая сказать: «Я предпочел бы, чтоб вы не глазели так на меня», Архимед отвернулся, воспитанно сглотнул хвостик, почесал левой лапкой свою шкиперскую бородку и взъерошил перья.

– Ну пусть его, – сказал Мерлин. – Может быть, он не желает сходить с тобой, не узнав, что ты собой представляешь. С совами нелегко подружиться, зато уж потом не раздружишься.

– Может, он посидит у меня на плече, – сказал Варт и при этом машинально опустил руку, так что Архимед, предпочитавший сидеть как можно выше, взбежал по рукаву и скромно встал у Варта за ухом.

– А теперь завтракать, – сказал Мерлин.

На столике у окна Варт увидел чудеснейший завтрак, аккуратно накрытый для двоих. Персики там были. Там были также дыни, земляника со сливками, сухарики, коричневая, пышущая жаром форель, еще более лакомые жареные окуни, цыплята с обжигающей рот острой приправой, почки с грибами на гренках, фрикасе, карри и на выбор – булькающий кофе и наиотменнейший шоколад со сливками в больших чашках.

– Возьми горчицы, – сказал волшебник, когда они добрались до почек.

Горшочек с горчицей приподнялся и, переваливаясь, как Архимед, подошел к тарелке Варта на тонких серебряных ножках. Затем он распрямил свои гнутые ручки и одной приподнял с преувеличенной вежливостью крышку, а другой протянул Варту щедро наполненную ложку.

– Ну и горшочек! – воскликнул Варт. – Где вы такой раздобыли?

При этих словах горшочек расплылся в улыбке и начал важно прогуливаться взад-вперед, но Мерлин стукнул его чайной ложкой по маковке, так что он сел и сразу накрылся.

– Горшочек неплох, – ворчливо сказал волшебник, – но уж больно любит покрасоваться.

Доброта старика и особенно чудесные вещи, которыми он владел, до того поразили Варта, что ему не хотелось приставать к чародею с вопросами личного свойства. Ему казалось, что вежливее всего будет просто сидеть и говорить лишь тогда, когда волшебник к нему обратится. Но Мерлин говорил мало и вопросов не задавал, так что у Варта в конце концов любопытство взяло верх над хорошими манерами, и он решился спросить о том, что томило его уже некоторое время:

– Вы не будете против, если я вас спрошу кое о чем?

– Для того я здесь и сижу.

– Как вы узнали, что завтракать будут двое?

Приготовляясь ответить, старый джентльмен откинулся в кресле и раскурил огромную пенковую трубку. («Господь милосердный, да он же дышит огнем», – подумалось Варту, сроду не слышавшему о табаке.) Затем он с неуверенным видом снял свою шапочку, – вывалились три мыши, – и почесал лысую голову.

– Ты когда-нибудь пробовал рисовать, глядя в зеркало? – спросил он.

– По-моему, нет.

– Зеркало, – сказал Мерлин, протягивая руку. Тут же в ладони его очутилось маленькое дамское зеркальце.

– Да не такое, дурак, – сердито сказал он. – Мне нужно зеркало настолько большое, чтобы, глядя в него, можно было побриться.

Зеркальце сгнуло, а на месте его появилось зеркало для бритья размером в квадратный фут. Затем он быстро потребовал карандаш и бумагу, – и получил неочиненный карандаш и номер «Морнинг пост», отослал их назад, получил авторучку, не заправленную чернилами, и шесть стопок бурой бумаги, годной разве что на обертку, отослал их назад, разразился гневной тирадой, в которой часто упоминалась Пресвятая Богородица, и в конце концов получил угольный карандаш и немного папиросной бумаги, о которых сказал, что эти сойдут.

Он положил один из листков перед зеркалом и нанес на него пять точек.

– А ну-ка, – сказал он, – соедини эти точки так, чтобы вышло W, но при этом смотри только в зеркало.

Варт взял карандаш и попробовал сделать то, что ему велели.

– Ну что же, не так уж и плохо, – сказал волшебник без особой уверенности, – и, пожалуй, даже смахивает немного на M.

После чего впал в задумчивость, поглаживая бороду, вдыхая огонь и глядя на лист бумаги.

– Так что насчет завтрака?

– Ах да. Как я узнал, что завтракать будут двое? Именно потому я и показал тебе зеркало. Дело в том, что обычные люди, родившись, двигаются во Времени вперед, если ты понимаешь, что я имею в виду, да и почти все в мире движется в ту же сторону. Оттого и жить обыкновенным людям довольно просто, как просто было бы превратить эти точки в W, если бы ты смотрел на них прямо, а не задом наперед и шиворот-навыворот. Я же, к несчастью, рожден на другом конце времени и вынужден жить спереду назад, окруженный при этом людьми, живущими сзади наперед. Кое-кто называет это проницательностью.

Он вдруг прервал свою речь и с тревогой воззрился на Варта.

– Я тебе раньше этого не говорил?

– Нет, мы же встретились всего полчаса назад.

– Так мало времени осталось? – сказал Мерлин, и большая слеза скатилась к самому кончику его носа. Он стер ее тем же куском пижамы и встревоженно прибавил: – А еще раз я тебе буду об этом рассказывать?

– Не знаю, – сказал Варт. – А вы уже все рассказали?

– Ты понимаешь, когда вот так живешь, непременно запутаешься во Времени. Первое дело, перемешиваются все глагольные времена. Если ты знаешь, что должно случиться с людьми, и не знаешь, что с ними уже случилось, трудновато бывает помешать случиться тому, что ты не хочешь, чтобы случилось, – ты понимаешь, о чем я толкую? Все равно как рисовать, глядя в зеркало.

Варт мало что понял, но все равно собрался сказать, что ему жалко Мерлина, если все это заставляет его горевать, как вдруг ощутил, что с ухом его творится что-то неладное. «Не дергайся», – сказал старик именно в то мгновение, когда Варт собрался вскочить, и Варт остался сидеть. Архимед, все это время простоявший забытым у него на плече, нежно прижался к нему. Клюв его очутился у самой мочки уха, щекоча ее волосками, и внезапно мягкий и хриплый голос шепнул: «Как поживаете?», и показалось, что звуки эти раздались прямо у Варта в голове.

– Вот так Архимед! – закричал Варт, тут же забыв о горестях Мерлина. – Видите, он все же решил со мною поговорить!

Варт осторожно прислонил голову к гладким перьям, и неясно, прихватив клювом краешек его уха, быстро-быстро, мельчайшими клевками прошла по его закруглению.

– Я буду звать его Арчи!

– Очень надеюсь, что ничего подобного ты не сделаешь, – мгновенно воскликнул Мерлин голосом сердитым и резким, а неясно перелетела к нему на плечо, как можно дальше от Варта.

– Разве это обидно?

– Ты бы еще Филином меня назвал или Филей, – сварливо сказал Архимед. – С тебя станется. Или Фалалеем, – с горечью добавил он.

Мерлин взял Варта за руку и добрым голосом сказал:

– Ты юн и не понимаешь этих вещей. Но ты еще обнаружишь, что совы – самые вежливые, прямодушные и преданные из живых существ. С ними нельзя быть фамильярным, грубым или вульгарным, также нельзя их высмеивать. Их прародительница – Афина, богиня мудрости, и хоть они часто с охотой разыгрывают шута, чтобы тебя позабавить, такое поведение – прерогатива истинно мудрых. Прозвище Арчи для такой птицы попросту невозможно.

– Прости меня, Архимед, – сказал Варт.

– И ты прости меня, мальчик, – откликнулся Архимед. – Я мог бы понять, что речи твои от незнания, и ныне горько раскаиваюсь в мелочности, с какой оскорбил тем, что не подразумевало никаких оскорблений.

Архимед и вправду раскисался и выглядел столь прежалостно, что Мерлину пришлось напустить на себя вид самый беспечный и переменить разговор.

– Ну что же, – сказал он, – теперь, когда мы покончили с завтраком, я полагаю, самое время отправиться всем троим на поиски обратной дороги к сэру Эктору. Минутку, прошу простить, – добавил он, словно бы спохватившись, и, обернувшись к столовым приборам, ткнул в них узловатым пальцем и суровым голосом произнес: – Мыться.

По этому слову вся посуда, ножи и вилки брызнули со стола, скатерть вытряхнула крошки в окно, а салфетки сами собой сложились. Все поскакали по лестнице вниз – туда, где Мерлин оставил бадью, и понеслись оттуда такие вопли и гам, словно ораву детей отпустили из школы. Мерлин подошел к двери и крикнул: «Поосторожней, чтобы никто у меня не разбился». Но голос его совсем заглушили визгливые вопли, плеск и выкрики: «Ой-й-й, холодрыга!», «Я тут долго не выдержу», «Полегче, ты же меня разобьешь» или «Пошли, утопим заварочный чайник».

– И вы действительно проводите меня до самого дома? – спросил Варт, с трудом веривший в хорошие новости.

– Почему бы и нет? Как еще я смогу стать твоим наставником?

Тут глаза Варта принялись округляться и округлялись, пока не стали почти такими же, как у Архимеда, сидевшего у него на плече, а лицо принялось краснеть и краснеть, дыхание же остановилось и, кажется, собралось в комок ниже сердца.

– Ну! – выкрикнул он, и глаза его засияли от возбуждения, вызванного этим открытием. – Так это я, значит, на Поиски ходил!

4

Рассказывать Варт начал, еще не пройдя половины подъемного моста.

– Смотрите, кого я привел, – сказал он. – Смотрите! Я ходил на Поиски! Три стрелы в меня выпустили. Черные с желтыми полосами. Птицу зовут Архимед. Я видел Короля Пеллинора. Это мой наставник, Мерлин. Ради него я и отправился на Поиски. Он гнал Искомого Зверя. Это я про Короля Пеллинора. В лесу было жутко. А Мерлин заставил тарелки помыться. Привет, Хоб. Смотри, мы принесли Простака.

Хоб лишь посмотрел на Варта, но с такой гордостью, что Варт залился краской. Так приятно было опять вернуться домой, к друзьям, свершив все, что хотел совершить.

Хриплым голосом Хоб произнес:

– Ах, мастер, мы еще сделаем из вас соколятника.

Он потянулся к Простаку, словно не в силах был долее удерживать руки, впрочем, успев погладить и Варта, приласкав их обоих, потому что не мог разобрать, кого из них ему приятнее видеть. Простака он усадил к себе на кулак с тем же чувством, с каким калека снова прилаживает потерянную было привычную деревянную ногу.

– Это Мерлин его поймал, – сказал Варт. – Когда мы шли домой, он послал на поиски Архимеда. А Архимед вернулся и говорит, что нашел, и что он убил голубя и теперь его ест. Тут мы пошли и спугнули его. Потом Мерлин воткнул вокруг голубя шесть перьев из его собственного хвоста, а вокруг перьев сделал петлю из длинной веревки. Один конец он привязал к палке, торчавшей в земле, а с другим мы спрятались за куст. Он сказал, что не станет использовать магию. Сказал, что в Высоких Искусствах магией пользоваться нельзя, ну, как нечестно создавать великую статую с помощью волшебства. Понимаете, ее полагается резцом высекать. Потом Простака спустился, чтобы прикончить голубя, а мы потянули веревку, и петля скользнула по перьям и поймала его за лапки. Ох и разозлился же он! Но мы ему дали голубя.

Хоб почтительно поклонился Мерлину, и тот столь же вежливо ответил ему. Они с важным расположением осмотрели друг друга, признав один в другом мастера своего цеха. Когда им удастся остаться наедине, они еще смогут наговориться об искусстве соколиной охоты, хоть Хоб от природы человек молчаливый. Пока же им должно ждать, когда наступит их время.

– О, Кэй, – крикнул Варт, как только тот появился вместе с няней и прочими, кто радостно спешил его поприветствовать. – Смотри, я привел нам наставника, это волшебник. У него есть горшочек с горчицей, который умеет ходить.

– Я рад, что ты возвратился, – сказал Кэй.

– Вот горе, да где же вы спали, мастер Арт? – воскликнула няня. – Посмотрите, ваш чистый дублет весь в грязи, весь изорван. Ну и напугали ж вы нас, я прямо не знаю. И в волосах, посмотрите, сплошные сучки. Ах вы мой озорной, беспризорный ягненочек.

Прибежал, громяхая надетыми задом наперед наголенниками, сэр Эктор и расцеловал Арта в обе щеки.

– Ну-ну-ну, – растроганно воскликнул он. – Вот мы и дома, а? Черт знает, каких мы делов понаделали, а? Весь дом кверху дном поставили.

Но втайне он испытывал гордость за то, что Варт остался с ястребом, и испытал еще большую, увидев, что ястреб пойман, ибо все это время Хоб держал птицу на вздетой руке, так, чтобы все ее видели.

– Ах, сэр, – сказал Варт, – а ведь я выходил на поиски, о которых вы говорили, на поиски наставника, и вот я его нашел. Пожалуйста, вот он, этот джентльмен, а прозвание его – Мерлин. У него тут с собой барсуки и ежи, и мышь, и муравьи, и всякие твари на том белом ослике, потому что мы не могли оставить их там голодать. Он великий волшебник и умеет доставать всякие вещи прямо из воздуха.

– Ах, маг и волшебник, – сказал сэр Эктор, надевая очки и внимательно оглядывая Мерлина. – Надеюсь, магия белая?

– Несомненно, – ответил Мерлин, терпеливо стоявший в толпе, сложив на некромантической мантии руки, Архимед же меж тем, вытянувшись и застыв, восседал на его голове.

– Вообще-то неплохо бы рекомендации посмотреть, – произнес сэр Эктор с сомнением. – Такой уж порядок.

– Рекомендации, – сказал Мерлин, простирая руку.

Мгновенно в руке его появилось несколько тяжелых таблет за подписью Аристотеля, пергамент, подписанный Гекатой, и пара машинописных страниц (вторые копии) с росчерком так и не сумевшего припомнить, откуда он знает Мерлина, ректора Тринити-колледжа. Все они характеризовали Мерлина наилучшим образом.

– Из рукава достал, – пронизательно заметил сэр Эктор. – А еще что-нибудь вы умеете?

– Дерево, – сказал Мерлин. И посреди двора тут же выросла огромная шелковица с сочными синими ягодами, готовыми со стуком осыпаться наземь. Это было тем более замечательно, что шелковицы приобрели популярность только во времена Кромвеля.

– Эти штуки проделывают при помощи зеркал, – сказал сэр Эктор.

– Снег, – откликнулся Мерлин. – И зонт, – поспешно добавил он.

И не успели они оглянуться, как медяное летнее небо побронзовело, похолодело, снизилось, и пребольшущие хлопья снега, каких сроду никто не видел, медленно поплыли над ними, опускаясь на крепостные зубцы. Никто еще и не ахнул, а снега навалило уже на вершок, и всех зазнобило на зимнем ветру. Нос сэра Эктора посинел, с кончика его свисала сосулька, и у всех, кроме Мерлина, на плечах образовались пласты снега. Мерлин стоял в середине толпы, подняв зонт повыше, чтобы прикрыть и Архимеда.

– А это все гипнотизм, – объяснил сэр Эктор, стуча зубами. – Как у тех проходимцев из Индии. Однако будет, – добавил он торопливо, – этого более чем достаточно. Я уверен, что из вас выйдет отличный наставник, чтобы учить этих мальчиков.

Снег немедленно прекратился, и показалось солнце.

– Достаточно, чтобы наградить воспалением легких, – промолвила няня, – или запугать податливых слуг.

Мерлин меж тем сложил и отдал обратно в воздух зонт, и воздух зонт принял.

– Нет, вы только представьте, мальчик в одиночку управился с такими поисками, – воскликнул сэр Эктор. – Ну-ну-ну! Чудеса да и только!

– Тоже мне поиски, – сказал Кэй. – Он просто пошел за ястребом, вот и все.

– И он добыл ястреба, мастер Кэй, – неодобрительно молвил Хоб.

– Да ладно, – сказал Кэй, – готов поспорить, что это не он, а старик.

– Кэй, – молвил Мерлин, чей облик внезапно стал грозным, – во все дни свои глаголешь ты, исполнясь гордыни купно с злоречием, а того ради и злосчастия. И все твои горести изойдут из твоих собственных уст.

При этих словах всем стало не по себе, а Кэй, вместо того чтобы по обыкновению прогневаться, свесил главу. В сущности, он был человек далеко не противный, напротив – умный, живой, гордый, страстный и властолюбивый. Он был из тех людей, что не становятся ни водимыми, ни водительствоющими, но остаются лишь при честолюбивом сердце, нетерпеливо бьющемся в темнице непреуспевшего тела.

Мерлин тут же и устыдился сказанной резкости. Чтобы поправить впечатление, он вынул из воздуха серебряный охотничий ножичек и протянул его Кэю. Шишак на рукояти был сделан из черепа горноста, проваренного в масле и отполированного под стать слоновой кости, и Кэю ножик полюбился.

5

Дом сэра Эктора назывался Замок Дикого Леса. Он более походил на городок или деревню, чем на дом одного человека, – он и становился деревней в пору опасности, ибо эта часть нашего рассказа относится ко временам беспокойным. При всяком набеге или вторжении какого-нибудь соседствующего тирана каждый, кто жил во владении, спешил в замок, гоня перед собою скотину и загоняя ее в межстенные замковые двory, где она оставалась, пока не минет опасность. Глинобитные хижины при набегах почти неизменно сгорали, и приходилось потом с проклятиями их отстраивать. По этой же причине не имело смысла ставить в деревне церковь, ибо и ее пришлось бы каждый раз строить заново. Селяне посещали замковую часовню. По воскресеньям они облачались в лучшие одежды и шествовали по улице самой respectable поступью, озираясь по сторонам с видом неуверенно-важным, словно бы не желая, чтобы сразу было понятно, куда это они направляются; в будние же дни они приходили к мессе и к вечерням в обычной одежде, да и вышагивали веселее. В те времена все посещали церковь, и всем это нравилось.

Замок Дикого Леса стоит и поныне, еще видны развалины его ладных стен, заросших плющом, обтесанных солнцем и ветром. Теперь здесь живут ящерики, в плюще согреваются зимними ночами оголодавшие воробы, и сова-сипуха раз за разом прилетает гнать их оттуда, зависая снаружи над перепуганным сообществом и колотя крыльями по плющу, чтобы их выкурить. Большая часть внешней стены обрушилась, хотя можно еще различить основания двенадцати опорных башен, охранявших ее. Они были круглые и выступали из стены в ров, так что лучники имели возможность стрелять во всех направлениях и прикрывать любой участок стены. Внутри башен шли винтовые лестницы. Лестницы завивались вокруг центральных колонн, а в колоннах имелись прорези, через которые тоже стреляли из луков. Даже если враг пробивался за внешнюю стену и врывался в башню, защитники замка могли отступать по ступеням наверх и сквозь эти щели обстреливать тех, кто преследовал их.

Каменная часть подъемного моста с барбаканом и стрельницами наворотного покая еще в хорошем состоянии. Здесь много хитроумных приспособлений. Если врагам и удавалось преодолеть деревянный мост, а его поднимали, что не облегчало задачу, их поджидала утяжеленная громадным бревном опускающая решетка, способная раздавить кого угодно в лепешку да еще и проткнуть насквозь. Пол барбакана прикрывал большую ловушку, через которую враги опять-таки попадали в ров. А на другом конце барбакана их поджидала еще одна опускающая решетка, так что нападающих можно было запереть между решетками и уничтожить сверху, поскольку в полу стрельниц, или навесных башенок, имелись отверстия, через которые защитники замка могли сбрасывать им на голову все, что было под руками. И наконец, выпуклый резной орнамент в середине сводчатого потолка крепостных ворот скрывал небольшое аккуратное отверстие, ведущее в верхний покой, где стоял большой котел, в котором плавился свинец или кипело масло.

Это что касается наружных укреплений. Проникнув же за внешнюю стену, ты попал в своего рода широкий коридор, возможно забитый ошалелыми овцами, и обнаруживал перед собой еще одну, вполне самостоятельную крепость. То была внутренняя цитадель с восемью огромными опорными башнями, стоящими и поныне. Какое удовольствие – забраться на самую высокую из них и лежать там, озирая порубежье Уэльса, из-за которого приходили иные из этих старинных напастей, и не иметь над головой ничего, кроме солнца, и посматривать на семяющих внизу маленьких туристов, ничего не ведающих о стрелах и кипящем масле. Подумай, сколько столетий выстояла эта несокрушимая башня. Ей случалось переходить из рук в руки – один раз после осады, дважды по причине предательства, но штурмом ее не взяли ни разу. На этой башне нес свою службу дозорный. Здесь он стоял на страже над синими лесами,

что уходят к Уэльсу. Ныне его белые старые кости лежат под полом часовни, так что стоять на страже придется тебе.

Если ты глянешь вниз и не испугаешься высоты (Общество Охраны Того и Сего установило превосходное ограждение, дабы охранить тебя от падения вниз), ты сможешь увидеть всю анатомию внутреннего двора, лежащего под тобою как карта. Ты сможешь увидеть часовню, ныне вполне открытую своему богу, и окна обширного зала с верхним покоем над ним. Ты сможешь увидеть дымоходы огромных каминов и то, как хитроумно придумано соединение с ними боковых вытяжных труб, и маленькие личные покои, ныне доступные публике, и исполнинскую кухню. Если ты человек с понятием, ты проведешь здесь дни, а то и недели, строя догадки и понемногу проясняя для себя, где помещались конюшни, где кречатня, где находились коровник, оружейная, сеновалы, колодец, кузня, псарня, где квартировали солдаты, где проживал священник, где находились покои моего господина и госпожи. И тогда все это снова вырастет, обступая тебя. В солнечном свете засуетятся вокруг низкорослые люди – они были меньше, чем мы, и нам было бы трудно втиснуться в немногие уцелевшие части доспехов или в их старые перчатки, – заблеют овцы на свой вечный манер, и, может быть, зашелестит прилетевшая из Уэльса трехперая стрела и замрет с таким видом, словно ей ни разу и не довелось шелохнуться.

Конечно, для мальчика это был рай. Варт сновал по замку, как кролик снует по путаному своему лабиринту. Он знал все и вся – все особые запахи, все места, где легко взобраться на стену, уютные норы, потайные укрытия, соскоки, скаты, закоулки, кладовки и прочие благодатные уголки. На каждое время года у него, как у кошки, имелось излюбленное местечко, и он непрестанно вопил, скакал, дрался и выводил людей из терпения, и лодырничал, и мечтал, и воображал себя рыцарем. В эту минуту он находился на псарне.

В те дни у людей были свои представления о выучке собак, не те, что бытуют ныне. Они полагались более на любовь, чем на строгость. Вообразите теперешнего владельца псовой охоты, как он укладывается в постель со своими гончими, а между тем Флавий Арриан говорит, что «самое лучшее, если они смогут спать с кем-то из людей, потому что это делает их человечнее и потому что души их исполняются радости в обществе человеческих существ; также, если ночью они были беспокойны или страдали внутренней немощью, вы будете знать об этом и не станете использовать их для охоты на следующий день». На псарном дворе сэра Эктора имелся особый мальчишка по прозвищу Собачий Мальчик, живший вместе с гончими днем и ночью. Он был чем-то вроде вожака собачьей стаи, и ему вменялось в обязанность каждодневно выводить их на прогулку, выдергивать колючки из лап, следить, чтобы не завелись у них на ушах язвочки, накладывать при мелких вывихах повязки, давать им снадобье от глистов, отделять и выхаживать заболевших чумкой, быть судьей в их ссорах, а по ночам спать меж ними, свернувшись калачиком. И если мне простят еще одну ученую цитату, то вот как описывал позже такого мальчика убитый при Азенкуре герцог Йорк в своей книге «Королевская Охота»: «Также я обучу это дитя выводить собак дважды на дню – утром и вечером, но так, чтобы солнце непременно еще стояло в небе, особенно зимой. И пусть он позволит им долго бегать и резвиться на солнечном лугу, и затем пусть вычесет каждую гончую одну за одной и протрет ее насухо большим пуком соломы, и пусть поступает так во всякое утро. И затем пусть он отводит их в некое красивое место, где растут мягкие травы, и злаки, и иные растения, каковых они смогут поесть, ибо это лекарство для них». И тогда, «как сердце мальчишка и все дела его» будут с гончими, сами гончие станут «добры и ласковы, и чисты, довольны и веселы, и игривы, и приязненны для всякого рода существ, не считая дикого зверя, к которому им надлежит проявлять свирепство, ревность и злобу».

Собачьим мальчишкой сэра Эктора был не кто иной, как тот, которому откусил нос страшный Вот. Порядочного человеческого носа у него не было, да сверх того прочие деревенские дети осыпали его камнями, – вот он и нашел утешение в обществе животных. Мальчик

разговаривал с собаками – не как нянька с младенцем, но на их собственном языке, рыча и лая. Все они любили его и уважали за то, что он выдергивает им колючки из лап, и со всеми своими неприятностями бежали прямо к нему. А он всегда сразу же понимал, какая приключилась беда, и, как правило, находил способ ее поправить. Для собак было счастьем иметь при себе свое божество, да к тому же и в зримом образе.

Варт был привязан к Собачьему Мальчику и считал его очень умным, поскольку тому удавалось так управляться с собаками, – ибо он мог одним лишь движением руки добиться от них едва ли не всего, – а Собачий Мальчик любил Варта примерно так же, как собаки любили его самого, и вообще считал Варта почти что святым, потому что Варт умел читать и писать. Они проводили вместе немало времени, возясь на псарне с собаками.

Псарня располагалась недалеко от кречатни, прямо под сеновалом, так что летом в ней было прохладно, а зимою тепло. Население ее составляли аланы, борзые, гончие и ищейки. Звали их Увалень, Упорный, Феба, Клей, Венок, Тальбот, Люс, Люффра, Аполлон, Хвала, Бран, Гелерт, Отскок, Мальчик, Лев, Громыхало, Тоби и Алмаз. Варт особенно любил пса по имени Каваль, и как раз вылизывал ему нос – не наоборот, – когда его обнаружил Мерлин.

– Со временем это сочтут нечистоплотной привычкой, – сказал Мерлин, – хоть сам я ничего нечистоплотного в ней не вижу. В конце концов, нос этой твари, как равно и твой язык, – творенье Господних рук. И еще неизвестно, какое лучше, – задумчиво добавил философ.

Варт не всегда понимал, о чем Мерлин толкует, но слушать его речи любил. Ему не нравились взрослые, разговаривавшие с ним как с маленьким, он предпочитал тех, что говорили, как привыкли, предоставляя ему мчаться вслед за их мыслью, ухватывать на лету значение слов, цепляясь за знакомые, строить догадки и усмехаться их сложным шуткам, внезапно обретавшим смысл. Он испытывал в этих случаях блаженство дельфина, играющего в неведомом море.

– Ну что же, пойдём? – спросил Мерлин. – По-моему, самое время начать наши уроки.

При этих словах сердце у Варта упало. Наставник провел здесь месяц, стоял уже август, но никаких уроков пока что не было. Теперь он вдруг вспомнил, что ради них Мерлин сюда и явился, и со страхом подумал об Основаниях Логики и замызанной астролябии. Он, впрочем, понимал, что придется все это вытерпеть, и послушно встал, напоследок с сожалением потрепав Кавалья. Он подумал, что с Мерлином, способным и «Органон» сделать интересным, особенно если он прибегнет к какому-нибудь волшебству, все может оказаться не таким уж и скучным.

Они вышли в замковый двор, под солнце настолько жгучее, что в сравнении с ним жара сенокоса казалась совершеннейшим пустяком. Пекло, как в печке. Грозовые тучи, обычные при жаркой погоде, были тут как тут – громады кучевых облаков с пылающими краями, – однако никакой грозы не предвиделось. Даже для нее было слишком жарко. «Вот бы сейчас, – думал Варт, – чем тащиться в душный класс, снять бы одежду да поплавать во рву».

Они пересекли двор, набрав побольше воздуха в грудь, как если бы им пришлось проскакать сквозь раскаленную печь. В тени от наворотного покоя потянуло прохладой, но барбакан с его тесными стенами был истинным пеклом. Миновав его последним броском, они добрались до подъемного моста – уж не догадался ли Мерлин, о чем он подумал? – и остановились, глядя на ров.

Была пора цветения кувшинок. Они бы покрыли всю воду, если б сэр Эктор не приказывал каждый год расчищать часть рва мальчикам под купальню. Благодаря этому примерно двадцать ярдов по обе стороны от моста оставались свободны, так что можно было прямо с моста и нырять. Ров был глубокий. Его использовали под рыбный садок, чтобы обитатели замка могли получать рыбу по пятницам, и по этой причине архитекторы приняли особые меры, дабы сюда не попадали помой и сточные воды. Рыбы во рву каждый год плодилось изрядно.

– Эх, быть бы мне рыбой, – сказал Варт.

– Какою же именно?

Было, пожалуй, слишком жарко для размышлений на эту тему, но Варт в тот миг смотрел в прохладную воду, где бесцельно болтался целый школьный класс окуньюков.

– Пожалуй, – сказал он, – мне бы понравилось быть окунем. Они храбрее глупой плотвы и не так кровожадны, как щуки.

Мерлин снял шляпу, учтиво поднял в воздух палочку из дерева жизни и медленно произнес:

– Нилрем теувтстевирп анутпен и ен тедуб ил но кат рбод отч темирп оготэ акорто в ыбыр?

Немедленно послышался зычный рев витых морских раковин, и над зубцами стены объявился плотный, веселого вида господин, сидящий на растрепанном облаке. На животе у него виднелся вытатуированный якорь, а на груди – ладная русалка, под которой было написано «Мэйбл». Выплюнув табачную жвачку, он покивал přátельски Мерлину и нацелился трезубцем на Варта. Тут Варт обнаружил, что лишился одежды. Еще он обнаружил, что свалился с подъемного моста и боком звучно плюхнулся в воду. Еще обнаружил он, что ров и мост в размерах выросли в сотни раз. И понял он, что обратился в рыбу.

– О Мерлин, – закричал он, – пожалуйста, не оставляйте меня!

– На этот раз не оставлю, – сказал ему на ухо крупный и важный линь. – Но впредь управляйся сам. Образование приобретается опытом, а сущность опыта в том, чтобы полагаться лишь на себя самого.

Оказалось, что быть существом иного рода дело нелегкое. Пытаться плыть на человеческий манер было бессмысленно, ибо от этого его только скручивало наподобие пробочника, да и плыл он слишком медленно. А плавать по-рыбьему он не умел.

– Не так, – веско вымолвил линь. – Положи подбородок на левое плечо и попробуй складываться, будто карманный нож. Начинающему не следует думать о плавниках.

Ноги у Варта слиплись, образовав спинную кость, а ступни и пальцы на них стали хвостовым плавником. Руки тоже обратились в два плавника – нежно-розовых, – и еще один вырос где-то на животе. Голова был свернута, и лицо смотрело через плечо так, что, когда он изгибался посередине, ступни устремлялись скорее к уху, чем ко лбу. Тело приобрело красивый оливково-зеленый оттенок, его покрывала не особенно искусно сработанная пластинчатая кольчуга с темными полосками на боках. Не очень он был уверен, где у него бока, где спина, а где грудь, но то, что ныне стало его животом, имело приятный беловатый окрас, а спину венчал отличный большой плавник, который можно было поднимать, изготовляясь к сражению, – в нем имелись шипы. По совету линя он сложился, как ножик, и обнаружил, что плывет прямо вниз, в донную тину.

– Пользуйся ногами, чтобы поворачивать вправо и влево, – сказал линь, – и расправь плавник на животе, тогда ты сможешь держаться на одной высоте. Ты теперь живешь в двух плоскостях, не в одной.

Варт обнаружил, что может держаться более или менее на одном уровне, меняя наклон боковых плавников и того, что на брюхе. Он неуверенно отплыл в сторону, испытывая чрезвычайное наслаждение.

– Вернись, – сказал линь. – Научись сначала плавать, а потом уж будешь метаться.

Чередой зигзагов Варт вернулся к наставнику и заметил:

– Похоже, что прямо я плыть не могу.

– Беда твоя в том, что плывешь ты не от плеча. Ты плаваешь, как плавал, когда был мальчиком, сгибаясь в бедрах. Попробуй складываться, начиная прямо от шеи и дальше к хвосту, и изгибай свое тело вправо ровно настолько, насколько ты хочешь, чтобы оно сдвинулось влево. Работай спиной.

Варт пару раз страшно дернулся и исчез в зарослях хвостика, росшего в нескольких ярдах от них.

– Так уже лучше, – сказал линь, скрытый из виду оливковой мгlistой водой, и Варт с бесконечными затруднениями стал спиной выбираться из зарослей, выворачивая боковые плавники. Под конец, желая блеснуть, он одним мощным толчком метнулся туда, откуда слышался голос.

– Хорошо, – сказал линь, когда они столкнулись хвостами. – Однако главное достоинство храбрости – ее осмысленность. Попробуй-ка, сможешь сделать вот так? – прибавил он.

И без какого бы то ни было видимого усилия он спиной заплыл под кувшинку. Без видимого усилия, – но Варт, старательный ученик, внимательно следил за малейшими движениями его плавников. Он крутнул собственными плавниками против часовой стрелки, ловко прищелкнул кончиком хвоста и оказался бок о бок с линем.

– Великолепно, – сказал Мерлин. – Давай-ка немного поплаваем.

Теперь Варт держался ровно и двигался довольно уверенно. У него появилось время оглядеться в необычном мире, куда окунул его трезубец татуированного господина. Мир этот отличался от того, к которому он привык. Прежде всего, небо над ним выглядело теперь идеально правильным кругом. Этот круг замкнулся горизонтом. Чтобы представить себя на месте Варта, тебе придется вообразить круговой горизонт, расположенный в нескольких вершках над твоей головой, – вместо плоского, который ты видишь обычно. Под этим горизонтом, воздушным, вообрази еще один – водный, сферический и чуть ли не перевернутый вверх ногами, – ибо поверхность воды отчасти служит зеркалом для всего, что находится под нею. Это вообразить трудновато. И тем труднее это вообразить, что любая вещь, которую человек счел бы находящейся над водной поверхностью, теперь окаймлялась всеми цветами спектра. Например, если бы ты сидел у воды, пытаясь выудить Варта, он бы увидел тебя – на краешке чайного блюдца, каким для него был наружный воздух, – не как одного человека, поводящего удилицем, но как семерых с очертаньями красным, оранжевым, желтым, зеленым, голубым, синим и фиолетовым, и все они махали бы одной и той же удочкой, чьи цвета менялись бы точно так же. В сущности, ты был бы для него человеком с радуги, сигнальным огнем, вспыхивающим разнообразными красками, кои, лучась, перетекают друг в дружку. Ты блистал бы на водах, как Клеопатра в стихах.

Не считая этого, самым чудесным было отсутствие веса. Он больше не чувствовал себя привязанным к земле, вынужденным ковылять по ее плоской поверхности, придавленным силой тяготения и тяжестью атмосферы. Он мог делать то, о чем издавна мечтали люди, – летать. В сущности, нет никакого различия между полетом в воде и полетом по воздуху. Самое же лучшее заключалось в том, что ему не приходилось лететь в машине, дергая за рычаги и неподвижно сидя на месте, – он летал благодаря усилиям собственного тела. Это походило на знакомый каждому сон.

Едва наставник с учеником вознамерились отправиться в ознакомительное плавание, как между двух колеблющихся, похожих на бутылки кустов хвостника показался бледный от волнения застенчивый юный окунь. Он смотрел на них большими опасливыми глазами и явно хотел о чем-то спросить, но никак не решался.

– Приблизься, – важно сказал Мерлин.

При этом слове окунь прыснул к ним, словно курица, залился слезами и, заикаясь, начал рассказывать.

– Б-б-б-б-будьте так добреньки, доктор, – пролепетал несчастный столь невнятно, что они с трудом различили слова, – у н-н-нас в с-с-с-семье та болезнь, что м-м-м-мы подумали, может б-б-б-быть, вы уделите нам в-в-в-время? Это наша д-д-дорогая Мамоchка, она все время плавает кверху ж-ж-ж-ж-животом и т-т-т-так ужасно в-в-выглядит и г-г-г-говорит такие странные вещи, что мы п-п-п-правда думаем, что ей нужен д-д-д-доктор, если это в-в-в-вам не

покажется дерзостью. К-к-к-клара и говорит: иди, скажи ему, в-в-в-вы меня понимаете, д-д-д-доктор?

Тут изо рта бедного окуня столь обильно пошли пузыри, что его бормотание, и без того отягченное заиканием и общей слезливостью, стало совсем неразборчивым, и ему только и осталось вперяться в Мерлина скорбными очами.

– Не надо так волноваться, малыш, – сказал Мерлин. – А ну-ка, отведи меня к своей Мамочке, и мы посмотрим, что можно сделать.

И все трое отплыли на подвиг милосердия – во мглу, клубившуюся под подъемным мостом.

– Окуни в большинстве своем неврастеники, – шептал Мерлин, прикрываясь плавником. – Вернее всего, тут случай нервической истерии, им нужен скорее психолог, чем врач.

Мамочка окуня, как тот и описывал, лежала на спине. Глаза у нее съехались к носу, она сложила плавники на груди и время от времени выпускала маленький пузырек. Дети кружком обступали ее и при появлении каждого пузырька пихали друг дружку в бок и разевали в изумлении рты. На лице у Мамочки изображалась ангельская улыбка.

– Так-так-так, – сказал Мерлин, замечательно подражая повадкам доктора у постели больного, – и как себя нынче чувствует миссис Окунь?

Он погладил окунят по головкам и величаво приблизился к пациентке. Следует, быть может, отметить, что Мерлин был грузной, полнотелой рыбой весом почти в пять фунтов, золотистых тонов, с мелкой чешуей, полными плавниками, слизистыми боками и оранжевыми глазами – весьма внушительная фигура.

Миссис Окунь томно протянула ему плавник, выразительно вздохнула и сказала:

– Ах, доктор, так вы все же пришли?

– Хм, – произнес доктор таким низким голосом, на какой только был способен.

Затем он велел всем закрыть глаза, – Варт подглядывал, – и поплыл вокруг больной в величавом и медленном танце. Плавая, он пел. И вот что это была за песня:

Терапевтический,
Элефантический,
Диагностический, Вздрог!
Панкреатический,
Микростатический,
Антитоксический, Рок!
При дурном катаболизме,
Заикизме, бормотизме,
Производим снип, снап, снорум,
Отсекаем отсекорум.
Диспепсия,
Анемия,
Токсимия,
Эктазия,
Раз, и два, и три: эгей!
Хворь выходит из костей,
Напевая трали-вали, и
Всего За Пять Гиней!

К концу этой песни он уже кружил так близко к пациентке, что касался ее и терся своими коричневатыми, гладко-чешуйчатыми боками об ее, иссохшие и бледные. Возможно, он излечил ее своей слизью, – говорят ведь, что все рыбы обращаются к линю за лекарством, – а

может быть, дело было в прикосновениях, в массаже или в гипнозе. Во всяком случае, миссис Окунь вдруг перестала косить, перевернулась брюшком вниз и сказала:

– Ах, доктор, милый доктор, мне кажется, я могла бы сейчас съесть маленького пескожила.

– Никаких пескожилов, – сказал Мерлин, – во всяком случае, в ближайшие два дня. Я вам прописываю крепкий бульон из водорослей, принимать каждые два часа. Видите ли, нам следует восстановить ваши силы. В конце концов, и Рим ведь не сразу строился.

Вслед за этим он еще раз погладил всех окуньков по головкам, пожелал им вырасти и стать храбрыми рыбками и с важным видом отплыл во мрак. Плывая, он надувал и втягивал щеки.

– Что вы имели в виду, когда сказали насчет Рима? – спросил Варт, едва они отплыли достаточно далеко, чтобы их не услышали.

– А бог его знает.

Они поплыли бок о бок (время от времени Мерлин напоминал забывчивому Варту о необходимости работать спиной), и странный подводный мир, сладко прохладный после наружного жара, стал разворачиваться вокруг них. В обширных лесах подводной травы были проложены аккуратные тропки, над ними целыми школами неподвижно висели колюшки, обучавшиеся слаженно выполнять физические упражнения. По команде «раз» они замирали, по команде «два» выполняли поворот кругом, а по команде «три» мгновенно выстраивались в пирамиду, в вершине которой находилось что-нибудь вкусное. По стеблям кувшинок или исподам их листьев неторопливо семенили улитки, а перловицы полеживали себе на дне, ничем особым не занимаясь. Их розовые тела походили оттенком на лучшего сорта клубничное мороженое. Небольшие стайки окуней, – странное дело, вся рыба что покрупнее, похоже, куда-то попряталась, – демонстрировали свое нежное кровообращение, так что вся компания вдруг заливалась краской или покрывалась бледностью с такой же легкостью, с какой это проделывают дамы в викторианских романах. Только краска у них была темно-оливковая, и была она краской гнева. Всякий раз, что Мерлин со своим спутником проплывали мимо них, они угрожающе задирали шипастые спинные плавники и опускали их, лишь завидев, что Мерлин – лין. Из-за темных полосок на их боках казалось, что они уже побывали на решетке жаровни, но эти полоски становились то светлей, то темней. Однажды нашим странникам случилось проплывать под лебедем. Белое создание колыхалось над ними, как цеппелин, видна была только его подводная часть. Зато уж ее было видно очень хорошо, и оказалось, что лебедь плавает несколько боком, поджав одну ногу.

– Смотрите, – сказал Варт, – у бедняги нога покалечена. Он может грести только одной, а другую всю скрючило.

– Вздор, – резко выпалил лебедь, сунув голову в воду и неодобрительно сморщив черные ноздри. – Лебеди так отдыхают, а ты можешь держать свое рыбье сочувствие при себе, вот так.

И пока они не скрылись из виду, он провожал их гневно пылающим взором, будто белый змей, вдруг пробивший потолок.

– Плыви рядом со мной, – сказал лין, – плыви так, словно на свете никогда и не было ничего такого, чего стоило бы бояться. Ты разве не видишь, что эти места совершенно как лес, которым тебе пришлось пройти, чтобы встретить меня?

– Разве?

– А взгляни вон туда.

Варт взглянул и поначалу ничего не увидел, но вскоре различил сквозистую фигурку, неподвижно висевшую почти у поверхности. Она расположилась на самом краешке тени от кувшинки и явно наслаждалась солнечным светом. То был шурунок, совершенно неподвижный и, может быть, спящий; он походил на трубчатый стебелек или на распластанного морского конька. Вырастет – тот еще будет бандюга.

– Вот с одним из таких я и собираюсь тебя познакомить – с Императором этих трущоб. Я-то, в качестве доктора, пользуюсь правом неприкосновенности, и, смею надеяться, тебя он тоже уважит, как моего компаньона, – но ты все же держи хвост подогнутым: вдруг на него накатят тиранические настроения.

– Так он, значит, Владыка Рва?

– Именно, именно. Здесь его называют Старый Джек, иногда – Черный Питер, но по большей части стараются имени не поминать. Просто говорят – господин Ща. Вот и посмотришь, что значит быть Королем.

Варт начал малость приотставать от своего проводника и, вероятно, правильно поступил, ибо они подплыли совсем близко к старому деспоту, прежде чем Варт наконец заметил его, а заметив, в страхе отпрянул, ибо господин Ща имел четыре фута в длину, а вес его трудно-вато было даже прикинуть. Огромное тело, теневидное, почти неразличимое среди стеблей, завершалось ликом, изрытым всеми скорбями, терзающими абсолютных монархов, – жестокостью, раскаянием, старением, гордыней, себялюбием, одиночеством и мыслями, непосильными для рассудка отдельной личности. Господин Ща висел или парил перед ними, углы его обширной иронической пасти были навек оттянуты вниз, как бы от некой печали, длинные гладкие челюсти сообщали его выражению нечто американское, сходство с Дядюшкой Сэмом. Он был беспощаден, лишен иллюзий, наделен логическим складом ума – хищный, свирепый, безжалостный, – но глаза его, огромные, переливчатые, как драгоценные камни, казались глазами раненого оленя – большие, испуганные, нежные и полные скорби. Он не шелохнулся, но окинул их горестным взглядом.

Про себя Варт решил, что господин Ща ему вовсе не нравится.

– Властитель, – сказал Мерлин, не обращая внимания на трепет, пронизавший Варта, – я привел к вам молодого адепта, желающего принять вашу веру.

– Веру во что? – медленно спросил Владыка Рва, почти не раскрывая рта и говоря в нос.

– В силу, – ответил ливь.

– Пусть скажет сам за себя.

– С вашего дозволения, – сказал Варт, – я не знаю, о чем мне должно спросить.

– На свете нет ничего, – сказал монарх, – за вычетом силы, коей ты притворно взыскуешь: силы перемалывать и силы переваривать, силы искать и силы отыскивать, силы ждать и силы предьявлять права, все это сила и все – беспощадность, и зарождаются они в тебе, немного ниже затылка.

– Спасибо.

– Любовь – всего лишь обман, навязанный нам силами эволюции. Наслаждение – приманка, подброшенная ими же. Существует лишь сила. Сила принадлежит индивидуальному разуму, но силы разума недостаточно. В конце концов, все решает телесная мощь и Один Только Сильный Прав. Теперь же, как я полагаю, тебе самое время уйти, молодой господин, ибо я нахожу эту беседу скучной и утомительной. И я считаю, что тебе лучше исчезнуть почти мгновенно, иначе моя не питающая иллюзий пасть может внезапно решиться представить тебя всем моим зубам. Да, я решительно полагаю, что самое умное для тебя – убраться сию же минуту. Итак, попрощайся с моим величеством – и надолго.

Тут обнаружилось, что хвастливые шучьи речи едва не заморозили Варта, – он и не заметил, что плотно сжатая пасть все приближалась и приближалась к нему. Она подвигалась неощутимо, пока наставления отвлекали его, и вдруг разрослась, оказавшись в вершке от его носа. С последней фразой она распахнулась, жуткая, просторная, кожа натянулась, обнажив алчные зубы. Казалось, внутри нее нет ничего – одни только зубы, – острые, словно тернии, зубы рядами и грядами, всюду, их было там как гвоздей в сапогах поденщика, и лишь в последнюю секунду Варт, напрягая волю, смог сжаться в комок, припомнить все, чему его научили, и ускользнуть.

Зубы, все сразу, клацнули сзади, у самого кончика хвоста, покамест он складывался, как самый лучший карманный ножик, какой ему когда-либо дарили.

Мгновенье спустя он вновь стоял на сухой земле, стоял рядом с Мерлином на раскаленном мосту, задыхаясь в душной одежде.

6

По четвергам мальчики после обеда занимались стрельбой из лука. Две соломенные мишени отстояли на пятьдесят ярдов одна от другой, и когда они выпускали все стрелы в одну, им оставалось лишь дойти до нее, подобрать стрелы и, повернувшись кругом, стрелять в другую. Погода еще была прелестная, летняя, за обедом подавали цыплят, так что Мерлин дошел с ними до края стрельбища и расположился под деревом. Тепло, цыплята и сливки, которыми он обильно полил свой пудинг, и цоканье стрел по мишеням – звук, навевавший дремоту, подобно шелесту кос или перекличке деревенских сверчков, – и танец овальных солнечных пятен в древесной листве, – все это скоро и крепко усыпило старика.

Стрельба из лука была в те дни делом серьезным. Ее еще не отдали в забаву индейцам и маленьким мальчикам. Тот, у кого стрельба не задавалась, выходил из себя, совершенно как нынешние состоятельные стрелки по фазанам. Кэй стрелял плоховато. Он слишком усердствовал и дергал стрелу, отпуская, вместо того чтобы предоставить луку направить ее.

– Ладно, пошли, – сказал он. – Меня тошнит от этих дурацких мишеней. Давай постреляем в чучело.

Они оставили мишени в покое и постреляли немного в чучело – большого, ярко раскрашенного самодельного попугая, сидевшего на подпорке, – и по нему Кэй промахнулся тоже. Поначалу он думал: «Ну я эту дрянь достану, даже если придется остаться без чая». А потом ему все просто прискучило.

Варт сказал:

– Может, тогда поиграем в разбойников. А через полчаса вернемся и разбудим Мерлина.

Игра в разбойников состояла в том, что они разгуливали с луками, выпуская по одной стреле в каждую подходящую цель, какая ни встретится. Иногда ею становилась кротовая кочка, иногда – кустик ситника, иногда – большой куст чертополоха почти у самых ног. Расстояние до цели всякий раз выбиралось иное, порой до нее было ярдов сто двадцать – дальше их мальчишечьи луки послать стрелу не могли, – а порой они выбирали ближайший куст чертополоха, и тогда приходилось метить пониже, потому что стрела, покидая лук, всегда подлетает вверх на фут-другой. Попадание считалось за пять очков, а если от цели до стрелы можно было достать луком – это давало очко. В конце игры очки складывались.

В этот четверг они выбирали цели с умом. К тому же траву на широком поле недавно скосили, и им не приходилось подолгу отыскивать стрелы, что при стрельбе из лука случается так же часто, как при игре в гольф – поиск мяча после опрометчивого удара близ изгороди или в каком-то неровном месте. В итоге они забрели дальше обычного и оказались у опушки дикого леса, в котором потерялся Простак.

– Давай дойдем до ловчего поля, – сказал Кэй, – и попробуем подстрелить кролика. Все веселей, чем стрелять по кочкам.

Так они и сделали. Выбрали два дерева, отстоявших ярдов на сто, и каждый встал под своим, ожидая, когда появятся кролики. Они стояли не двигаясь, подняв луки и наложив на них стрелы, чтобы производить как можно меньше движений и не вспугнуть кроликов, когда те полезут из нор. Стоять так им было нетрудно, ибо первый экзамен, который они сдавали, обучаясь искусству лучника, как раз и сводился к тому, чтобы простоять полчаса с луком в вытянутой руке. У каждого было шесть стрел, и каждый мог выпустить их, прицелясь, прежде чем придется распугивать кроликов, подбирая стрелы. Сама стрела не производит шума достаточного, чтобы встревожить более одного кролика – того, в которого она летит.

На пятой стреле Кэю улыбнулась удача. Он точно примерился к ветру и расстоянию, и стрела попала молодому кролику прямо в голову. Бедняга стоял торчком, пытаясь разглядеть Кэя и гадая, кто он такой.

– Эх, хорош выстрел! – крикнул Варт, когда они подбежали к кролику. Им впервые так повезло – попасть в кролика да еще и убить его на месте.

Тщательно выпотрошив кролика подаренным Мерлином охотничьим ножом – для сохранения свежести – и пропустив одну его заднюю ногу под сухожильем другой, чтобы добычу удобнее было нести, мальчики собрались домой. Но перед тем как снимать тетиву с лука, они обычно выполняли особый обряд. Каждый четверг, под вечер, по завершении занятий им разрешалось наложить на лук еще по одной стреле и выстрелить прямо в небо. То был жест отчасти прощания, отчасти триумфа, и жест этот был прекрасен. Сегодня он стал салютом в честь их первой добычи.

Варт следил за своей стрелой, уходящей вверх. Солнце уже клонилось на запад, к вечеру, и деревья, среди которых они стояли, погрузили их в негустую тень, а потому стрела, взлетев над деревьями и вырвавшись на солнечный свет, загорелась на вечеряющем небе так, словно сама была солнцем. Она уходила все выше и выше, не раскачиваясь, что бывает, когда стрела зацепится за тетиву, взмывая, всплывая, возносясь в небеса, неуклонная, золотая, чудесная. И в тот самый миг, когда она утратила силу, в миг, когда судьба приглушила ее честолюбивый порыв и она изготовилась, перевернувшись, пасть в материнское лоно земли, случилось недоброе чудо. Утомленно хлопая крыльями, появилась, предвестницей приближения ночи, черная ворона. Она появилась, она устремила к стреле, она схватила ее. И, тяжело набрав высоту, исчезла, унося стрелу в клюве.

Кэй испугался, а Варт рассердился ужасно. Он полюбил полет этой стрелы, ее гордую стремительность, горящую в солнечном свете, и к тому же то была лучшая из его стрел.

Единственная, в совершенстве уравновешенная, острая, с тугим опереньем, с чистой ложбинкой для тетивы, без кривизны и царапин.

– Это была ведьма, – сказал Кэй.

7

Турнирное дело и выездка занимали два дня в неделю, потому что их почитали в те дни наиважнейшими в образовании всякого джентльмена. Мерлин недовольно ворчал по поводу увлечения спортом, говоря, что, видимо, теперь человек числится образованным, если он способен сшибить другого с коня, и что помешательство на атлетических играх губительно для учености, – никто к ней не относится так, как то бывало в его молодые годы, и всем государственным школам пришлось волей-неволей поступиться своими высокими принципами, – но сэр Эктор, сам некогда входивший в турнирную сборную своего колледжа, сказал, что битва при Креси была выиграна на спортивных площадках Камелота. От этого заявления Мерлин впал в такое неистовство, что наслал на сэра Эктора ревматизм, коим тот и маялся целых две ночи кряду, покамест Мерлин над ним не сжалился.

В ту пору турнирное дело было великим искусством и требовало постоянной практики. Когда два рыцаря бились на поединке, каждый держал копье в правой руке, но коня своего направлял так, чтобы противник оказывался от него слева. Стало быть, упор копья находился со стороны тела, противоположной той, на которую обрушивался противник. Человеку, привыкшему, скажем, открывать калитку арапником, это может показаться противным природе, но на то имелись свои причины. Первое дело, это означало, что щит помещался в левой руке, так что противники встречались щитом к щиту, оставаясь полностью прикрытыми. А кроме того, это означало, что человека можно было сбросить с коня, нанеся ему после широкого пологого замаха удар наконечником или ратовищем, – если вы не чувствовали себя достаточно уверенным для того, чтобы прямо бить острием. Пологий удар был наипростейшим или же требующим наименьшего искусства турнирным ударом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.